

Санкт-Петербургский государственный университет

ПОТАПОВА Александра Александровна

Выпускная квалификационная работа

**Зооморфный код культуры во фразеологии испанского языка
(в сравнении с немецким)**

Уровень образования: бакалавриат

Направление 45.03.02 «Лингвистика»

Основная образовательная программа СВ.5055.2018 «Иностранные языки»
Профиль «Испанский язык»

Научный руководитель:

д.ф.н., Кафедра романской филологии,

Мед Наталья Григорьевна

Рецензент:

канд. филол. наук, доцент СПбГУ

Николаева Елена Станиславовна

Санкт-Петербург

2022

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1.....	7
§1 Фразеология как особая область лингвистической науки.	7
§2 Фразеологические концепции В.В. Виноградова, А.А. Потебни, Ш. Балли 12	
2.1 Концепция В.В. Виноградова.....	13
2.2 Концепция Ш. Балли	16
2.3 Концепция А.А. Потебни.....	17
§3 Фразеология в разрезе компаративной лингвистики. Сопоставительная фразеология.....	18
§4 Фразеологическое моделирование (возможности фразеологического моделирования).....	21
§5 Языковая картина мира. Код культуры. Зооморфный код как национально-культурный феномен.	24
5.1 Языковая картина мира.....	24
5.2 Код культуры. Зооморфный код как национально-культурный феномен.	27
Выводы по 1 главе.....	30
ГЛАВА 2.....	32
§1 Вводные замечания.....	32
§2 Тенденции развития моделей фразеологизмов с зооморфным компонентом в испанском и немецком языках.....	33
2.1 Фразеологизмы в испанском языке	33
2.2 Фразеологизмы в немецком языке.....	35

§3 Понятия «зооним» и «зооморфизм» на примере испанского и немецкого. Общее и различное в репрезентации зооморфного кода культуры во фразеологии испанского и немецкого языков.	38
§4 Лексико-семантическое поле концептов, объединенных стержневым компонентом «домашние животные».	41
4.1 Бык (el toro / der Ochse, der Stier)	42
4.2 Пчела (la abeja / die Biene), трутень (el zángano / die Drohne).....	49
4.3 Свинья (el cerdo, el cebón, el cochino, el gocho, el gorrino, el guarro, el lechón, el marrano, el puerco / das Schwein, die Sau, das Ferkel)	52
4.4 Курица (la gallina / das Huhn, die Henne)	57
Выводы по 2 главе.....	64
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	66
Библиографический список	68
Список сокращений	71

ВВЕДЕНИЕ

Данная выпускная квалификационная работа посвящена изучению особенностей фразеологических единиц с зоонимическим компонентом в испанском и немецком языках. Устойчивые оценочные выражения являются важным пластом лексики обоих языков. Они формировались и продолжают формироваться в сознании носителей при помощи различных языковых средств и стержневых компонентов фразеологизмов. Домашние животные всегда играли значимую роль в жизни многих народов. Люди наблюдали за их образом жизни, внешним видом и поведением. Именно на основе многовековых наблюдений возникли различного рода оценочные фразеологизмы со стержневыми компонентами, объединенными общим понятием «домашние животные». В данной работе мы выявили общее и различное во фразеологии испанского и немецкого языков, рассмотрев ряд фразеологических единиц с данным компонентом.

Предметом исследования являются оценочные фразеологизмы испанского и немецкого языков, содержащие в себе стержневой компонент «домашние животные».

Объектом исследования являются сравнительные обороты (компаративные фразеологизмы) и фразеологические единицы.

Актуальность данной работы состоит в том, что на сегодняшний день существует не так много публикаций, посвященных сравнительному анализу испанского и немецкого языков. Кроме того, понятие кода культуры появилось сравнительно недавно, поэтому не так много исследователей обращались к их изучению, а также сопоставлению.

Новизна данного исследования заключается в том, что впервые были рассмотрены оценочные фразеологические единицы двух неродственных языков (испанского и немецкого), содержащие зоонимический компонент с семантикой «домашние животные».

Цель данной работы заключается в сопоставлении фразеологических единиц двух языков и выявлении общего и различного, аналогов, эквивалентов, а также наиболее продуктивных грамматических структур и семантических закономерностей.

Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи:

- рассмотреть особенности фразеологии испанского языка;
- рассмотреть особенности фразеологии немецкого языка;
- обратиться к известным существующим исследованиям в данной области;
- выявить закономерности в использовании отдельных семантических компонентов.

Теоретическая и методологическая база. Исследования в теоретической части данной работы опираются на труды следующих авторов: В.В. Виноградов, В. Флейшер, В.В. Красных, А.Д. Райхштейн, В.Н. Телия, Р. Пиньель Лопес, Л. Руис Гурильо и другие.

Методы исследования. В соответствии с поставленными задачами во время исследовательской работы были использованы следующие методы:

- изучения и анализа теоретической литературы по теме исследования;
- сопоставительно-аналитический: были сопоставлены и изучены немецкие и испанские оценочные фразеологические единицы, их грамматические структуры и семантика;
- статистики: была проведена статистика использования отдельных лексем в составе фразеологических единиц испанского и немецкого языков;

Аналитический материал подбирался методом сплошного отбора с последующим дифференцированием, далее использовался метод сопоставительного анализа.

Материалом исследования послужили фразеологические словари, международные интернет-форумы, онлайн-словари RAE и DUDEN.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы.

ГЛАВА 1

Теоретические аспекты исследования фразеологизмов

§1 Фразеология как особая область лингвистической науки.

Принято говорить о **фразеологии** как о разделе лингвистической науки, занимающимся фразеологической системой языка как в синхронии, так и в диахронии. Термин «фразеология» происходит от позднелатинского слова с греческим корнем *phrasis*, что обозначало «ораторский оборот». В международном лингвистическом сообществе, однако, приняты и термины, происходящие от чисто греческого корня *idiōma* – «особенность, свойство» (Fleischer 1982: 8). Согласно самому общему понятию, фразеология – это раздел языкознания, изучающий, устойчивые обороты (фразеологические единицы), а также состав устойчивых оборотов речи того или иного языка (Глотова, Бекоева, Цакадили 2019: 7). Она занимается знаковой функцией фразеологических единиц, их значением, особенностями структуры и семантики, а также происхождением их компонентов, синтаксической и морфологической структурой.

Фразеология как самостоятельный вектор в лингвистике изучается сравнительно недавно, поэтому все еще оказывается трудным дать ей четкое определение, а также выделить конкретные цели и задачи. В.В. Виноградов придерживался мнения, что «фразеология иногда вовсе не находит себе места, но чаще она помещается рядом с лексикологией или включается в нее» (Виноградов 1977: 118). Кроме того, ученый напоминает, что в этой связи предлагалось выделить термин «идиоматика», что, вероятно, позволило бы конкретизировать весьма неустойчивый термин «фраза». Впервые понятие «идиома» (или «фразеологическое сращение» по В.В. Виноградову) было введено английским ученым Л.П. Смитом в 1922 году, но с самого начала оно не получило достаточно четкого определения. Ученый в своем труде рассматривал всевозможные фразеологические явления: наречные образования, сочетания глаголов с «предлогообразными наречиями», пословицы, поговорки, образные и

метафорические выражения, а также устойчивые повторения одних и тех же слов (*by and by, again and again*), что говорит о чрезвычайно широком подходе ученого к понятию идиомы и к сфере фразеологии в целом (Смит 1959: 4). «Идиома», однако, не была общепризнана в научном сообществе. В. Флейшер, немецкий германист, исследователь в областях лексикологии, словообразования, фразеологии, стилистики, предлагает утверждать, что фразеологизм – это словосочетание, в котором присутствует хотя бы одно знаменательное слово (*autosemanisches Wort*), что позволяет исключить служебные или вспомогательные слова типа союзов *bald – bald, entweder – oder* и др. (Fleischer 1982: 34).

Испанские ученые не были одними из первых исследователей фразеологии, хотя уже в середине прошлого века были выпущены значимые труды и проведены глобальные исследования, что показало, что испанская фразеология представляет собой большой пласт для анализа и подробнейшего изучения. Так, Х.Касарес в своем труде утверждает, что «среди бинарных сочетаний следует выделять те, которые распадаются окказионально, и те, которые представляют собой постоянные единства. Именно эти последние единицы, на наш взгляд, <...> содержат в себе элементы, среди которых один или же оба элемента обретают совершенно новое значение именно из-за того, что употребляются вместе» (перевод мой: А.П., Casares 1950: 95). Другой известный испанский ученый Л. Руис Гурильо в своем труде «Аспекты теоретической фразеологии испанского языка» («Aspectos de fraseología teórica española») также рассуждает о выделении фразеологии в отдельную науку, приводя различные мнения других ученых на этот счет: «Особенно интересно проследить связь между фразеологической и лексической подсистемами, поскольку каждая из них обладает своим словарем и по различным причинам может быть может отличаться от другой». Л.Руис Гурильо указывает на то, что ряд ученых причисляют фразеологию к более обширной науке – стилистике, другие же считают ее частью лексикологии, а также лексикографии и

паремиологии. Сторонники выделения фразеологии в отдельную дисциплину полагают, что «...она отражает намного ярче социальные явления, чем лексикология, что особенно выражается в так называемых коммуникативных фразеологических единицах» (перевод мой: А.П., (Ruiz Gurillo 1997: 35) Так или иначе, она настаивает на интердисциплинарности фразеологии (Ruiz Gurillo 1997: 34).

Стоит отметить, что на сегодняшний день существуют два главных взгляда на фразеологию: **узкий (concepción estrecha)** и **широкий (concepción ancha o amplia)**. Данные подходы основаны на критериях, среди которых: а) структурно-семантический, б) структурно-грамматический, в) функциональный критерии.

При **узкой** интерпретации объема фразеологии в нее включаются лишь устойчивые сочетания со связанным значением, чьи компоненты переосмыслены до конца, либо же переосмыслен хотя бы один компонент. То есть речь идет об *идиомах* – структурно-семантических сочетаниях слов, которые зачастую выполняют функцию отдельных членов предложений. Благодаря десемантизации отдельных лексических компонентов подобных структур, общая семантика оборота перестает сочетать в себе отдельные самостоятельные элементы, они превращаются в единое целое, то есть получают новое самостоятельное значение. Устойчивые обороты предикативного характера при узком подходе выводятся за границы фразеологии, то есть крылатые выражения, пословицы, поговорки. Здесь в качестве ФЕ исследуются словосочетания и сочетания служебного слова с знаменательным. Можно утверждать, что при узкой трактовке ФЕ основной акцент делается на прочную устойчивость (Ruiz Gurillo 1997: 68).

Широкая же интерпретация предполагает рассмотрение ФЕ, значение, состав и структура которых воспроизводимы и устойчивы. К таким единицам относятся четыре группы ФЕ, выделенные В.В. Виноградовым и дополненные Н.М. Шанским: фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания и фразеологические выражения (состоящие из слов

со свободной сочетаемостью). Кроме того, устойчивые обороты предикативного характера включаются во фразеологическую систему, поскольку они «как правило, имеют целостное образно-экспрессивное значение, которое может быть мотивированным (единства) или немотивированным (сращения)» (Глотова, Бекоева, Цакадили 2019: 20). Ряд ученых включают в состав фразеологии также предложно-падежные конструкции (*за глаза*) и сложные предлоги/союзы/частицы (*за счет, потому что*) (см. там же). Таким образом, при широком подходе рассматриваются три группы языковых единиц: слова, словосочетания, предложения. Такого же мнения придерживалась, например, В.Н.Телия, поддерживая, в свою очередь, идею В.В. Виноградова (Телия 1996). Рассматривая различные взгляды на широкую трактовку фразеологизмов, Л. Руис Гурильо приводит теорию центральных и периферийных концептов, которую также исследовала Р. Глезер. Согласно данной теории, «система фразеологизмов в общем и целом представляет собой иерархическую структуру, ее центр формируют элементы, которые демонстрируют наибольшую стабильность и состоят из одного слова или обороты речи (*locuciones*), а периферию – элементы, которые выходят за границы данных структур. Среди них выделяют пословицы (*refranes*), технический вокабуляр (*vocabulario técnico*), образные выражения (*expresiones figuradas*), аллюзии (*alusiones literales*), диалогизм (*dialogismos*), речевые формулы (*fórmulas*), синтагмы (*unidades sintagmáticas*), квази-свободные выражения (*expresiones cuasi-libres*) и т. д. На границе между центром и периферией, которую ни в коем случае не следует считать четкой, а скорее подвижной и размытой, находятся сочетания слов, которые могут формировать синтагму или даже предложение или текст, то есть поговорки (*frases proverbiales*)» (перевод мой: А.П., (Ruiz Gurillo 1997: 62).

Несмотря на существование двух полярных теорий, а также учитывая то, что не все ученые единодушны в вопросе центра и периферии ФЕ (Fleischer 1982: 34; Телия 1996: 62), на наш взгляд, следует рассматривать фразеологию с разных позиций. Такого же мнения придерживается и Руис Гурильо: «Фразеология

представляет собой структурированный континуум, который сложно сегментировать. Единицы этого континуума неоднородны и находятся в некоем пространстве, границы которого недостаточно четкие» (перевод мой: А.П., Ruiz Gurillo 1997: 72).

Выделить фразеологию в отдельную дисциплину позволяет также наличие самостоятельных критериев фразеологичности, свойств фразеологизмов: грамматическая категориальность, идиоматичность, немотивированность, невыводимость, фиксированный порядок слов, наличие архаизма, непроницаемость структуры, невозможность синтаксической трансформации, полная или частичная десемантизация компонентов, вариативность, воспроизводимость в речи, номинативная функция, метафоричность, эмоционально-экспрессивная выразительность и др. (Глотова, Бекоева, Цакадили 2019: 14). В.Н.Телия, в свою очередь, предлагает свести категоризацию фразеологизмов до трех самых главных параметров: **принадлежности к номинативному инвентарю языка, признаку полной или частичной идиоматичности**, а также свойству **устойчивости**, в той или иной степени ее вариабельности, проявляющейся в абсолютной или относительной воспроизводимости сочетаний «в готовом виде» (Телия 1996: 56).

«Под номинативным составом языка принято понимать всю совокупность его единиц, обладающих номинативной функцией, т. е. служащих для названия вычлененных языковым сознанием из внеязыкового континуума отдельных его фрагментов, соответствующих «видению мира» данной лингвокультурной общностью» (Телия 1996: 57). Подобные номинативные единицы помогают выстраивать высказывания семантически, прагматически и за счет грамматических форм (см. там же).

Идиоматичность, по мнению В.Н. Телия, также играет важную роль в контексте фразеологии. Под ним понимается включение в определенный «фрейм» сочетания слов на основе его буквального значения и подобия его смысла. Значение сочетания в таком случае переосмысливается, извлекаются

характеристики, которые позволяют сравнить актуальную ситуацию с ситуацией «исконной» (Телия 1996: 60). Кроме того, идиоматичность может быть полной или частичной. Первое понятие подразумевает переосмысление всего состава сочетания, что ведет к невыводимости прямого значения. Частичная идиоматичность, соответственно, говорит о новой интерпретации лишь одного из компонентов ФЕ. В. Флейшер, однако, полагает, что термин идиоматичность (*Idiomazität*) полностью исключает из фразеологии сочетание, отдельные элементы которых являются несколько менее устойчивыми (стабильными), и настаивает на использовании понятия, введенным А.И. Смирницким, «цельность значения» или «цельность номинации» (Fleischer 1982: 11)

Устойчивость, в работах Н.В. Телия (также данное явление отражено в трудах Н.М. Шанского, И.А. Мельчука и других ученых, разделяющих идею постоянства состава ФЕ) понимается как «результат закрепления узусом соотношения нового содержания за определенным лексико-грамматическим обликом сочетания в целом или за одним из составляющих его слов» (БЭС 1990: 559). Это определенная возможность предсказать значение фразеологизма из его компонентов, которые употребляются стабильно. Именно этот критерий позволяет представителям того или иного этнокультурного сообщества запоминать, воспроизводить и передавать через поколения устоявшиеся в их речи ФЕ. В данном контексте говорят и о воспроизводимости фразеологизмов как об отдельном критерии.

§2 Фразеологические концепции В.В. Виноградова, А.А. Потебни, Ш. Балли

Несмотря на то, что существует множество различных концепций и подходов в области фразеологии, остается фактом то, что огромный вклад в развитие данной отрасли лингвистической науки внесли именно советские ученые. И.И. Чернышева, А.В. Кунин, А.И. Молотков, В.Н. Телия и многие другие произвели невероятный прорыв в фразеологических исследованиях, что отмечают и уважают также и иностранные ученые. Тем не менее, именно В.В.

Виноградов заложил те основы, на которые в своих трудах в дальнейшем опирались все вышеупомянутые исследователи и на которых продолжают основывать свои работы современные лингвисты.

2.1 Концепция В.В. Виноградова

Что касается фразеологии, В.В. Виноградов также говорил о неопределенности ее границ в целом и о том, что она часто помещается рядом с лексикологией, а многими учеными включается в нее. Концепция ученого тесно связана с идеями Л.В. Щербы и Ш. Балли, однако, в центре внимания у ученого стояло именно отдельное слово, он настаивал на неотделимости слова от его исторического происхождения и от его фразового окружения, на подвижности границ между словом и «фразой» (Виноградов 1977: 118). Основываясь на идеях Ш. Балли, он соглашается, что «реальное понимание слов приобретает лишь постепенно из сочетаний, в какие слова вступают друг с другом в живом языке» (Виноградов 1977: 119). По мнению ученого, следует оперировать пониманием синтагмы, так как ее синтаксические границы и семантическая структура могут быть разнообразными и изменчивыми, равно как и само индивидуальное содержание речи (Виноградов 1977: 120).

В продолжении своего труда «Лексикология и лексикография» В.В. Виноградов рассуждает о ФЕ и в первую очередь приводит **фразеологическое сращение (идиому)** – «тип фразеологических единиц, абсолютно неделимых, неразложимых, значение которых совершенно независимо от их лексического состава, от значений их компонентов, и так же условно и произвольно, как значение немотивированного слова – знака», то есть единицу немотивированную и непроеводную, значения компонентов которой десемантизированы, а соотношение с отдельными словами языка исключительно омонимическое (*как пить дать* – идиома, приобретающая наречное значение) (Виноградов 1977: 121-122). Тем не менее, подобные сочетания в историческом развитии языка имели особенность изменять свои грамматические формы. Именно за счет своих исторических особенностей (семантических связей и наличию грамматических

форм) подобные ФЕ способны видоизменяться синтаксически – получать новые компоненты, которые «присоединяются» по аналогии (*покажу кузькину мать* изначально употреблялось без глагола «показать», который в дальнейшем закрепился в узусе благодаря сравнению сочетания с *покажу, где раки зимуют* и проч.) (Виноградов 1997: 123). Согласно любопытному наблюдению ученого, *фразеологическое сращение* – «химическое соединение каких-то растворившихся и с точки зрения современного языка аморфных лексических частей» (см. там же).

Следующей категорией ФЕ по В.В. Виноградову является **фразеологическое единство**. Данный оборот сохраняет отчетливые признаки семантической разделности компонентов, а их «живучести» способствует наличие контраста, параллелизма, сопоставлению слов, принадлежащих к одному семантическому ряду (Виноградов 1977: 128). Единства неделимы, им характерна образность и экспрессивность, а замена компонента ведет к разрушению метафоричности (*выносить сор из избы, плыть по течению*). Интересно, что фразеологические единства формируются не только лишь единством образа: его замкнутость возможна также за счет эвфонических и формально-грамматических средств (*еле-еле душа в теле, Федот да не тот*).

Наша речь, безусловно, неоднородна, поэтому в ней встречаются и другие виды ФЕ, которые все так же сохраняют определенную устойчивость формы, но в то же время характеризуются допустимым изменением компонента. В.В. Виноградов называет такие структуры как (*быть*) *на какой-нибудь ноге* (иметь какие-либо отношения с кем-то) **фразеологическими сочетаниями**, или фразеологическими единствами «на расстоянии» (Виноградов 1977: 131). Подобные сочетания во многом схожи со сращениями, ведь замена компонента может привести к разрушению образа или экспрессии. Они образуются «реализацией несвободных, связанных значений слов, составляют самый многочисленный и семантически веский разряд устойчивых сочетаний слов» (Виноградов 1977: 137). Отличие фразеологических сочетаний от других типов

ФЕ по Виноградову заключается в том, что его компоненты все же воспринимаются или ощущаются как отдельные слова, имеющие свое собственное самостоятельное значение. Эти слова имеют очень прочную семантическую и синтаксическую связь, а одно из них употребляется в своем так называемом несвободном значении. «Ведь это несвободное слово может быть заменено синонимом, например: *расквасить нос* – разбить нос, *обагрить кровью* – окрасить кровью, <...>, и т. д.» (Виноградов 1977: 138). Здесь необходимо уметь определять «стержневое» слово и те элементы, которые могут варьироваться.

В.В. Виноградов вводит также категорию связанности значения для тех случаев, когда один из компонентов сохраняет свое «свободное» значение, то есть значение, реализация которого не зависит от лексического контекста, а другой – получает значение «несвободное», реализация которого всегда «связана» с определенным словом (или рядом слов), сохраняющим свое свободное значение, как в случаях типа *зло, отчаяние, страх, ужас, смех берет*, но не говорят *уныние, испуг, радость берет*, хотя слова *отчаяние и уныние, страх и испуг, смех и радость* близки по значению. Ученый полагает, что фразеологически связанное значение трудно определимо, поскольку в нем общее логическое ядро недостаточно очевидно, нежели чем в свободном значении. Некоторые слова и вовсе не имеют свободного значения и существуют в языке лишь внутри фразеологических групп (слово *потупить* в современном языке существует исключительно в составе таких единств как *потупить взор, потупить голову*) (Виноградов 1977: 136).

Таким образом, можно утверждать, что В.В. Виноградов в своих исследованиях фразеологии опирался прежде всего на семантику, которую заключают в себе те или иные ФЕ, а не на их структуру, синтаксис, поэтому в научном сообществе принято говорить о теории ученого как о **семасиологической**. В некоторых работах встречается также термин *фразеосемантическая концепция*.

2.2 Концепция Ш. Балли

В своих трудах, посвященных фразеологии, В.В. Виноградов часто опирался на идеи известного швейцарского лингвиста, ученика Ф. де Соссюра, Шарля Балли, которого по праву считают родоначальником теории фразеологии в целом (Кунин 1996: 5). Ш. Балли утверждал, что «речевые факты родного языка усваиваются главным образом в ассоциациях и сочетаниях, объединяющих по нескольку слов» (Балли 1951, 2001: 87). По мнению ученого, определенные слова имеют тенденцию к бóльшей сочетаемости, чем другие, то есть связи внутри таких словосочетаний более прочные. Когда подобное словосочетание достигает наивысшей степени спаянности, оно переходит в наш язык окончательно и представляет собой единое целое (там же: 98). Как и Виноградов, Балли говорит о десемантизации (или «забвении смысла составных частей») отдельных компонентов таких сочетаний, необходимой для установления единства идеи всего образования. «И каждый раз они показывают, что сознание говорящего связывает все выражение в целом с идеей, символом которой оно является, и что эта связь заставляет забыть собственное значение каждого из элементов оборота. Во всех подобных случаях так или иначе наблюдается непонимание и забвение» (там же: 102).

Итак, Ш. Балли, рассматривая возможные связи между элементами, предлагает следующую классификацию ФЕ: фразеологические обороты, фразеологические группы и фразеологические единства. Под **фразеологическими оборотами** следует понимать сочетания, прочно вошедшие в язык. **Фразеологические группы** – сочетания, в которых отдельные слова еще сохраняют относительную самостоятельность. **Фразеологические единства** – сочетания, в которых наблюдается полная связанность элементов (там же: 90). Именно при рассмотрении фразеологических единств Ш. Балли предостерегает нас от стремления к этимологизации, ведь они давно утратили всякое самостоятельное значение (там же: 97).

Ученый утверждает, что для стилистики и лингвистики в целом очень важно рассматривать единицы языка так, как они в нем ощущаются. Нет сомнения, что в сознании носителя существуют определенные сочетания, которые мыслятся исключительно цельно. Подобные сочетания могут совпадать и с теми, которые в зависимости от контекста могут представлять собой совместное использование самостоятельных элементов. В качестве примера Ш. Балли приводит случаи употребления словосочетания *mauvaise foi*: 1) в определенном контексте оно может быть разбито и интерпретировано/переведено как «плохая вера»; 2) тем не менее, в сознании франкоговорящего населения есть и другая интерпретация – «нечестность, вероломство», что говорит о том, что данное словосочетания устоялось также и как составная единица.

Интересна мысль Ш. Балли о том, что «целый ряд синтаксических явлений представляет собой не что иное, как расчленяемые фразеологизмы» (там же: 99). Так, даже французское отрицание *ne... pas* можно рассматривать как фразеологическое единство на расстоянии, ведь в сознании говорящего эти два элемента используются совместно.

Очевидно, что в своем труде «Французская стилистика» ученый главным образом фокусируется на структурно-семантическом подходе к фразеологии. Он обращается к внутренним признакам фразеологизмов, предлагая ввести понятие *слово-идентификатор* (там же: 100). «Так, с точки зрения логики (и только логики) *prendre la fuite* «обратиться в бегство» тождественно *fuir* «сбежать», - приводит в качестве примера Ш. Балли.

2.3 Концепция А.А. Потебни

И в современных исследованиях в области фразеологии многие ученые ссылаются на труды Александра Афанасьевича Потебни, который уже тогда начал рассматривать определенные устойчивые сочетания в разрезе когнитивной лингвистики. Он также обращался и к идее синтагмы, говоря о том, что слово не

существует отдельно, оно всегда действует внутри ситуации, неразрывно с контекстом, который его окружает.

Интересно, что А. Потебня в своих трудах опирался главным образом на литературные источники. Он одним из первых отметил следующую закономерность: басня, которая, как известно, является коротким рассказом в стихах или прозе с прямо сформулированным моральным выводом, придающим рассказу аллегорический смысл ([Википедия](#), дата посещения: 29.01.22), становится со временем пословицей, благодаря тому, что в нашем сознании присутствует и ее известная часть, то есть главный смысл, и ее остальная часть, которая больше не требуется для воссоздания смысла. Таким образом, «все содержание басни делается пословицей» (Потебня 1976: 516), ведь из подобных объемных единиц в связи с процессом «сгущения мысли» образуются единицы меньше по объему, но с тем же смыслом – поговорки (там же: 520).

Итак, именно профессор А. Потебня стал одним из основоположников стилистики и вместе с ней фразеологии, обозначив идею эллиптического сокращения сюжетов Библии и других литературных произведений как основы образования более структурно сжатых фразеологических единиц.

§3 Фразеология в разрезе компаративной лингвистики. Сопоставительная фразеология

Лингвистическая компаративистика, или сравнительно-историческое языкознание – это область языкознания, объектом которой являются родственные, то есть генетически связанные, языки. Наиболее общая форма исследований – сравнительно-исторические грамматики (что включает в себя прежде всего фонетику) и этимологические словари (исследование лексики) (БЭС 1990: 486). Таким образом, основные направления компаративистики – реконструкция праязыков и выявление этимологии слов. Особо дальним языковым родством занимается макрокомпаративистика ([интернет источник](#), дата посещения: 01.02.2022).

Ввиду того, что фразеология как наука сформировалась относительно поздно и до сих пор представляет собой огромный пласт возможностей для исследований, компаративная фразеология и вовсе не изучена в достаточной степени по сей день.

Тем не менее, собственно сопоставительная фразеология не является совершенно новой наукой. Она занимается исследованием методов сравнительно-исторического, сопоставительного и структурно-типологического анализа в изучении фразеологического запаса разных языков, причем объектом ее исследования являются не только родственные языки.

Существование общих черт во фразеологии различных языков, даже неродственных, связано с тем, что в них отражается прежде всего культура того или иного народа: религия, мифология, обычаи, собственно литература – все это находит так или иначе свое выражение в языке, на котором общаются люди. Считается, что в сознании человека присутствует определенная когнитивная система, которая обрабатывает различные явления окружающего его мира и вербализирует их, создавая в то же время некие образы, сравниваемые с теми или иными нематериальными понятиями. Образы, которые носители создают в своем сознании и переносят в свой язык, передают национальные представления об окружающем мире, они являются национально значимыми (Долгова 2011: 101). Подобные образы тесно связаны с понятием языковой картины мира, отдельные концепты (стереотипы) которой находят свое отражение во фразеологии.

Итак, можно сделать вывод, что, поскольку фразеология неразрывно связана с сознанием человека (а также целого народа), можно даже говорить о том, что в отдельных случаях, а именно в случае сопоставления ФЕ различных языков, она выходит за пределы лингвистики и может рассматриваться в рамках психолингвистики, а также социолингвистики (Долгова 2011: 103).

Важнейшей задачей сопоставительной фразеологии является сопоставление семантических пространств различных языков, что позволяет

проследить общечеловеческие универсалии, а также выявить как специфическое, то есть национальное, так и групповое, характерное для большинства людей на планете.

Интересным оказывается то, что сравнение фразеологических элементов и ФЕ возможно благодаря тому, что в сознании разных этносов часто существуют схожие или и вовсе одинаковые коммуникативные концепты. Тем не менее, ввиду региональных географических, климатических различий, невозможно говорить о полном совпадении смыслов или об исчерпывающем наборе концептов, которые вербализуются в речи носителей (Стернин, Попова 2002: 128).

С теоретической точки зрения, с самого появления сопоставительного направления в лингвистической науке ученые ставили перед собой прежде всего задачу выявления праязыка для современных языков. Так, исследователи романских языков, как, например, Ф.Ф. Фортунатов, сравнив их, выяснили, что их «родоначальником» является латинский язык, а основоположники сравнительно-исторического языкознания Ф. Бопп и Ф. Шлегель считают основой сопоставления языков индоевропейской семьи санскрит. С практической точки зрения, сопоставительный анализ различных языков необходим для усовершенствования двуязычных словарей, а также для улучшения результативности и повышения эффективности преподавания иностранных языков, столь необходимых в современном глобализованном мире (Стернин 2006: 10).

В сопоставительно-фразеологических исследованиях выделяют различные направления. Мы будем основываться на классификацию, предлагаемую А.Д. Райхштейном. Ученый выделяет в первую очередь аспект, анализирующий схожие черты во фразеологии родственных языков, и называет его **сравнительный**. Следующий тип – **сопоставительный** – имеет дело с неродственными языками и служит для обнаружения возможностей более точной интерпретации и перевода фразеологизмов с одного языка на другой.

Здесь речь идет о сопоставительном изучении ФЕ по семантическим группам. **Структурно-типологический** аспект предполагает исследование как родственных, так и неродственных языков, то есть выделение общих черт и закономерностей, а также роль отдельных лексических компонентов при образовании фразеологического значения. Последний аспект, выделяемый исследователем – **ареальный** аспект. Из его названия следует, что данное направление занимается взаимодействием и сближением фразеологии таких языков, которые образуют определенную географическую и культурно-историческую общность. Здесь можно упомянуть, например, общие национальные черты европейских народов и их языки (Райхштейн 1980: 10).

§4 Фразеологическое моделирование (возможности фразеологического моделирования)

Возможность фразеологического моделирования представляет собой перспективное направление в исследовании фразеологизмов различных языков.

Несмотря на уникальный характер фразеологизмов (как структурно, так и семантически), они все равно представляют собой достаточно стройную систему, которая может быть изучена и охарактеризована. Данный факт позволяет говорить о том, что ФЕ можно исследовать как в синхронном, так и в диахронном планах. Оказывается возможным разработать систему их форм и выявить набор механизмов, с помощью которых они образуются. Кроме того, без всякого сомнения, ФЕ можно рассматривать и с точки зрения семантики их элементов и в целом.

А.Д. Райхштейн полагает, что «вопрос семантического моделирования ФЕ (в диахроническом и синхроническом аспектах) может быть успешно решен только, если подходить к фразеологизмам как к диалектическому единству закономерного и системного (общие формальные и семантические закономерности формирования) и более случайного, а иногда и уникального (конкретный материальный состав и конкретное фразеологическое значение) (Райхштейн 1980: 61-62). Ранее считалось, что фразеологическое моделирование

едва ли возможно, так как нельзя построить новые ФЕ по одной готовой модели так, чтобы они в то же время имели определенную семантику и хотя бы один десемантизированный элемент, что является одним из характерных свойств фразеологизмов.

Тем не менее, нельзя опровергать, что во фразеологии как в подвижной структуре возможно возникновение новых единиц на основе существующих (Райхштейн 1980: 62). Это объясняется тем, что в сознании человека образуются определенные закономерности мышления, универсалии, с помощью которых он составляет определенные логические и ассоциативные цепочки. Из этих ассоциаций и возникают новые языковые единицы, которые оказываются сходными с уже утвердившимися единицами и также выполняют определенную эмотивную функцию. Как утверждает А.Я. Гуревич, человеку его культурой и эпохой даны особые способы сознания и восприятия мира. Они заключены не в конкретной идеологии, а в его ментальности – способе видения мира. Человеческое мышление неразрывно связано с его эмоциями, привычками, а также окружающим его миром и временем (Гуревич 1993: 59). Безусловно, это, в частности, может говорить о непредсказуемости образования ФЕ, ведь они возникают спонтанно в сознании носителей, но, тем не менее, на наш взгляд, сами носители не могут не пользоваться готовой системой родного языка, которая подсказывает им пути формирования новых единиц. Как полагает А.Д. Райхштейн, следует отказаться от противопоставления регулярных и нерегулярных фразеологических единств, так как в языке вообще отсутствует абсолютная нерегулярность. «Так, основная масса ФЕ строится из совершенно регулярных по форме лексических компонентов и грамматических структур; несравненно ниже мера регулярности совокупной формально-смысловой организации ФЕ, т. е. связи между стандартным значением конститuentов и совокупным значением ФЕ» (Райхштейн 1980: 62-63).

Стоит обратить внимание на тот очевидный факт, что фразеологизм – это лексическая единица, состоящая из двух уровней: на первом уровне он

представляет собой словосочетание с конкретным номинальным значением, а на втором – словосочетание с реальным значением. То есть в первом случае «фразеологизм является продуктом работы первичных генеративных моделей, а во втором – это результат работы вторичного кода по правилам моделей «идиомогенеза» (Молчкова 2016: 126). Для реального (или фразеологического) значения ФЕ характерен семантический перенос, который происходит в соответствии с логикой образного мышления на основе создания конкретного образа и соотнесения его с той или иной реалией. Таким образом, на начальном этапе происходит выбор концепта (образа) и лишь затем подбирается структура и образные средства, с помощью которых будет образована новая ФЕ (там же: 126).

Итак, можно утверждать, что фразеологизмы образуются по определенным моделям, которые могут рассматриваться на различных уровнях: синтаксическом, лексическом, морфологическом и фонетическом. Модели фразеологизмов могут быть как одноуровневыми, так и многоуровневыми, то есть иметь отношение сразу к нескольким языковым уровням (там же: 127). И с точки зрения семантики можно говорить о существовании моделей фразеологизмов. Как и любой знак, фразеологизм имеет свои внешнюю и внутреннюю стороны, план выражения и план содержания. Интересно, что стороны ФЕ могут быть гомоморфны, но могут быть и лишены гомоморфизма. Л.В. Молчкова приводит в качестве примера данного явления следующие фразеологизмы: *вставлять палки в колеса* – фразеологизм, оба плана которого являются гомоморфны, в то время как *дать дуба* в значении «умереть» представляет собой полное несовпадение буквального и переносного планов (там же: 127).

Фразеологические модели принято делить на грамматические, семантические, структурно-семантические, фразообразовательные и стилистические. Очевидно, что **грамматическая** модель является универсальной: большинство ФЕ так или иначе формируются по

грамматическим моделям словосочетаний, предложений и других оборотов с одним знаменательным словом. **Семантические** модели фразеологизмов выражаются с помощью различных грамматических структур. При их рассмотрении учитывается исключительно семантическая регулярность. Грамматическая структура в совокупности с семантическим элементом учитывается в **структурно-семантических моделях**. Особенно подробно в данном контексте принято рассматривать устойчивые сравнения (или компаративы). **Фразообразовательные** модели, в свою очередь, считаются динамическими, основанными на закономерностях фразообразовательного процесса. Это формальный образец образования фразеологических единиц, абстрагированный от лексико-семантических признаков и характеризующийся общностью типа деривационной базы и характера фразообразовательного процесса. Оказиональные **стилистические** модели же представляют собой чисто контекстуальное явление и, как правило, образуются путем внедрения переменных элементов в состав мотивированных ФЕ (19).

Н.Г. Мед предлагает рассматривать фразеологическое моделирование в двух направлениях: 1) в одном, отдельно взятом языке и 2) в типологическом плане (в сравнении с другими как родственными, так и неродственными языками) (Мед 2007: 140).

В данной работе мы сконцентрируемся на типологическом исследовании фразеологизмов испанского и немецкого языков, а также особенно подробно рассмотрим их структурно-семантические и лексико-семантические варианты устойчивых сочетаний.

§5 Языковая картина мира. Код культуры. Зооморфный код как национально-культурный феномен.

5.1 Языковая картина мира

Каждый человек окружен в это жизни не только различными объектами или явлениями природы. Он также является частью общества, а значит должен так или иначе общаться с другими людьми. На базе социального общения у

каждого из нас формируется определенный склад ума, в котором находят свое отражение различные особенности мировоззрения, культуры и духа народа, к которому мы принадлежим.

Языки разных народов различаются, хотя многие из них имеют и много общих черт, так и лексико-тематический состав устойчивых сочетаний, фразеологизмов различается в силу национального своеобразия окружающей реальности. География, климат, политика и экономика, национальные особенности страны – все эти факторы и многие другие влияют на формирование словарного запаса.

Подобная национальная специфика, безусловно, проявляется в определенных словах-реалиях. Они представляют собой национально-маркированные единицы, которыми выражаются те или иные реалии. Сюда относится в том числе и безэквивалентная лексика, которая отражает различные явления или объекты действительности, не имеющие аналога в других культурах (Долгова 2011: 102-103).

И.В. Борисовская полагает, что языковая картина мира (ЯКМ) «является лишь частью картины мира и репрезентирована языковой системой» (Борисовская 2019: 30). Безусловно, общая картина мира отражается в текстах как устных, так и письменных, что и формирует языковую систему. Тем не менее, эти две системы хоть и не являются единым целым, но все же очень крепко связаны друг с другом, поскольку одна выражает индивидуальное, а другая – социальное, общее.

ЯКМ – это система, сформированная из более мелких подсистем. К одной из таких подсистем относятся определенные языковые клише, среди которых находятся и фразеологизмы. Они передают конкретные явления жизни с помощью элементов, присутствующих в национальном сознании человека, и могут из индивидуального перейти в категорию социального, стать достоянием всего народа.

Сознание человека безгранично, но все же в реальности оно в той или иной степени ограничивается языком. Человек «обнаруживает в своих мыслях некие лакуны, например, в виде противоречий, поэтому он может выразить свое мнение в отношении этих противоречий и заполнить эту лакуну» (Борисовская 2019: 31). В основном наше мышление основывается на сравнениях, которые и отражают либо схожие черты различных объектов или явлений, либо же их различия. Подобный процесс можно считать категоризацией, с помощью которой и происходит обработка реальности. Определенные парадоксы или невыразимые реалии нужно уметь выразить, а выразить это можно лишь языком, в котором уже присутствует определенный набор языковых единиц. Этими единицами мы оперируем, пытаясь объяснить самим же себе различные ситуации или явления. Стоит учитывать, что сознание наше находится в определенной степени под влиянием нашего социального и национального окружения, откуда и возникают различного рода разночтения в мировых культурах.

Интересно также мнение, что психология человека неразрывно связана со стремлением к обобщению. Это объясняется тем, что мы подсознательно ищем стабильности и надежности и находим их именно в создании стереотипов. Стереотипное мышление подразумевает создание ряда клише, с помощью которых наше сознание будет оперировать готовыми надежными решениями для многих сложных с моральной точки зрения вопросов. Без сомнения, одной из подсистем, отражающих данное явление, можно считать пословицы (Борисовская 2019: 32). В них отражается мудрость не только индивидуальная, но и национальная, хотя большая доля пословиц передает некие «жизненные правила и наставления» всего человечества. «Образы в основе фразеологизмов являются общими для членов одного языкового социума» (Синельников, Синельникова 2019: 54).

5.2 Код культуры. Зооморфный код как национально культурный феномен.

Нет никакого сомнения, что картина мира связана с культурой народа, отражает в ней свои устои, нравственные и бытовые традиции. Культура же, в свою очередь, представляет собой сложный комплекс, отражающий и общечеловеческие знания и установки, и характерные особенности конкретного народа, этноса. Как уже было упомянуто выше, все объекты и реалии нашего мира преобразуются в знаки, которые также способны нести некоторые добавочные, переносные значения, помимо первостепенных. Знаковая система весьма обширна и, конечно же, не лишена подсистем, которые объединяются каким-либо конкретным признаком. Именно эти семиотические подсистемы Д.Б. Гудков предлагает называть кодами национальной культуры (Гудков 2004: 39). Согласно О.К. Войку и О.И. Санниковой, культурный код – это «бессознательный смысл той или иной вещи или явления, это ключ к пониманию определенной культуры, закодированная информация, позволяющая идентифицировать культуру» (Войку, Санникова 2021: 494). Ключевое определение понятия «код культуры» дает также В.В. Красных, которые предлагает рассматривать данное понятие как «сетку», «которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает» (Красных 2001: 5). По мнению ученого, «коды культуры как феномен универсальны по природе своей, свойственны человеку как *homo sapiens*» (см. там же).

Стоит отметить, что «представлять человека, оценивать его характер и поведение с помощью фразеологических единиц или метафорических выражений, содержащих в себе анималистический компонент – явление далеко не новое, продуктивное и широко распространенное во фразеологическом корпусе различных языков» (Szyndler 2014: 39, перевод мой: А.П.).

В большинстве случаев различия фразеологического репертуара различных языков связаны с разным экстралингвистическим восприятием. Это зависит от географии, климата и т. д. В случае с животными очевидно, что

конкретные виды обитают исключительно на какой-либо конкретной территории. Именно по этой причине они могут быть неизвестны людям, проживающим в других географических зонах (Piñel López 1997: 261). Компаративные ФЕ зачастую основываются на реальном и объективном опыте носителей. Они участвуют в сравнении определенных характеристик животных с соответствующими чертами характера или особенностями внешности людей: некое животное обладает в наивысшей степени каким-либо качеством, которое ярко выражено в конкретном человеке. Таким образом, речь идет не о прямом сравнении (внешнем) животных и людей, а в выборе конкретной интегральной особенности, объединяющих их. С помощью данного сравнения происходит интенсификация сравниваемого объекта, что служит для повышения экспрессивности текста (речи). Однако, безусловно, нельзя говорить об абсолютно объективном подходе к выбору элементов для сравнения, поскольку мышление человека в любом случае всегда субъективно. Благодаря коллективному опыту происходит определение и выбор конкретных языковых единиц и их ассоциация с детерминантами, но данный опыт различается от народа к народу, этносу к этносу, поскольку восприятие, как уже было упомянуто ранее, очень во многом зависит от внешних факторов, окружающих ту или иную общность людей (Piñel López 1997: 262).

Отдельно следует рассматривать спонтанные, спорадические языковые явления, чаще всего свойственные разговорной речи и используемые в единичных ситуациях, определяемых конкретным контекстом. Тем не менее, ФЕ в них также служат для экспрессивности и усиления высказывания или сравнения.

Фразеологизмы, содержащие в себе зоонимы, бывают как достаточно прозрачными для понимания и интерпретации, так и завуалированными, что требует дополнительных фоновых знаний и/или объяснений. Например, немецкий фразеологизм *geschmückt (aufgeputzt/aufgetakelt) wie eine Pfingstochse* (дословно «украшен как троицын бык», т. е. наряженный, расфуфыренный)

скорее всего потребует пояснения для людей, не владеющих немецким языком как родным. Речь здесь идет о традиции юга Германии украшать стада цветами и венками в дни Пасхи, что оповещало радостное время прихода весны и хорошей погоды. Таким образом, нельзя дословно переводить данную ФЕ на другие языки, ведь это может привести к потере символизма ввиду утраты культурологического подтекста. Например, для испанского языка эквивалентом могло бы послужить выражение *ataviado como una jaca en feria* (дословно «наряженный как конь на праздник», т. е. разодетый, украшенный). Русский язык, по всей видимости, не может предложить аналогичный фразеологизм, который бы содержал в себе похожие элементы, так как в традиции русскоговорящего населения отсутствовали подобные обряды. Ближайший по значению фразеологизм, на наш взгляд – *нарядиться как матрешка*, который, в свою очередь, представляет собой сложность при переводе его на другие языки, поскольку он содержит в себе реалию, существующую лишь в культуре русского народа. Следовательно, факт абсолютного формального и семантического сходства едва ли представляется возможным, а схожесть отдельных элементов зачастую объясняется географическим соседством или генетическим родством народов (Dobrovolskij 1997: 36).

Выводы по 1 главе

В данной главе нами были рассмотрены различные подходы к определению понятия «фразеология» на основе исследований известных ученых-лингвистов, среди которых: В.В. Виноградов, А.А. Потебня, Ш. В.Н. Телия, А.Д. Райхштейн, В.В. Красных, Л. Руис Гурильо, Р. Пиньель Лопес, В. Флейшер и другие.

Кроме того, нами были изучены основные аспекты компаративной лингвистики и сопоставительной фразеологии и рассмотрены различные направления, выделяемые в сопоставительно-фразеологических исследованиях.

В 1 главе нами были отражены основные возможности фразеологического моделирования, возможность его практического применения, а также описано понятие языковой картины мира и кода культуры, неразрывно с ней связанного в контексте фразеологических исследований.

К основным выводам можно отнести:

- 1) в исследованиях фразеологии на сегодняшний день нет унифицированной и однозначной классификации; как отечественные, так и иностранные ученые-лингвисты придерживаются разных взглядов на данную отрасль науки;
- 2) компаративная лингвистика является важной отраслью лингвистики, так как она позволяет не только исследовать общие языковые закономерности как родственных, так и не родственных языков, но и играет важную роль с практической точки зрения – результаты, получаемые в ходе сопоставительного изучения разных языков, позволяют лучше адаптировать учебные материалы, словари и переводы;
- 3) модели фразеологических единиц можно изучать и классифицировать, однако, нельзя говорить о возможности составления новых устойчивых выражений по готовым известным моделям, так как фразеология в целом является продуктом народного творчества, новые смыслы и переносные

значения возникают в сознании носителей спонтанно и передаются из поколения в поколение;

- 4) языковая картина мира и код культуры неразрывно связаны друг с другом и являются важным аспектом в исследованиях фразеологии, так как это лингвистическое направление напрямую зависит от культурной составляющей жизни народа и тех образов, которые возникают в коллективном национальном сознании; кроме того, зоонимический компонент во фразеологических единицах имеет большое значение ввиду очевидных культурных и исторических закономерностей.

ГЛАВА 2

Структурно-семантический и структурно-типологический анализ испанский и немецких фразеологических единиц с зооморфным кодом «домашние животные»

§1 Вводные замечания

Международная и межкультурная коммуникация все чаще и чаще в наши дни вызывает интерес исследователей в области языкознания. Особенное внимание уделяется вопросам и проблемам социолингвистики, которая занимается преимущественно типологическим и сопоставительным анализом различных языков с целью выявления общих черт или же различий, которые внесли бы вклад в улучшение международного общения и понимания представителей различных этнических групп.

Сравнительный анализ фразеологии представляет собой возможность сопоставить ФЕ разных языков с точки зрения их грамматического строя, лексико-семантической дистрибуции, а также функциональной характеристики и экспрессивно-стилистической окрашенности. В данной главе мы рассмотрим 150 ФЕ, заключающие в себе культурный код «домашние животные» испанского языка, а также сравним их с ФЕ, содержащим аналогичный зооморфный код, немецкого языка по вышеперечисленным аспектам. Следует отметить, что в нашей работе семантическое поле «домашние животные» включает не только животных, но и птиц и насекомых.

При нашем анализе мы воспользуемся методом наблюдения и методом выборки ФЕ из фразеологических словарей и других интернет-ресурсов, а также обратимся к методу компонентного анализа выбранного материала.

Как известно, «выявление символов в составе фразеологических единиц и их сопоставление <...> может вскрыть национальную специфику в каждом из языков» (Гвоздарева 1981: 119). Именно поэтому наша работа представляется актуальной.

§2 Тенденции развития моделей фразеологизмов с зооморфным компонентом в испанском и немецком языках.

2.1 Фразеологизмы в испанском языке

В первой главе данной работы мы уже упоминали некоторых испанских исследователей, предложивших различные классификации ФЕ и подходы к изучению фразеологии как с точки зрения структурно-стилистического строения, так и с точки зрения семантики, мотивированности и продуктивности ФЕ. Во второй части нашего исследования мы сконцентрируемся на практическом анализе конкретных ФЕ испанского языка, определим отдельные закономерности, выявим наиболее значимые семантические тенденции и модели устойчивых сочетаний.

В нашей работе мы обратимся к классификации, предлагаемой Х. Касаресом. Исследователь выделяет речения, proverbialные сочетания и поговорки. В качестве материала для исследования мы возьмем речения, которые Касарес делит на:

- a) глагольные (*locuciones verbales*);
- b) наречные (*locuciones adverbiales*);
- c) субстантивные (*locuciones nominales*), которые в свою очередь подразделяются на характеризующие (*locuciones caracterizadoras*) и назывные (*locuciones nominadoras*);
- d) адъективные (*locuciones adjetivales*);
- e) междометные (*locuciones interjectivas*);
- f) причастные (*locuciones participiales*);
- g) местоименные (*locuciones pronominales*) (Casares 1950: 170).

Так, например, устойчивые фразеологические единства по *valer un perro chico*, *hacerse perdiz* или *hacer abejón* в испанском языке можно отнести к глагольным фразеологизмам, так как их структура формируется вокруг глагола, требующего субъекта и объекта. В качестве субстантивных ФЕ можно рассмотреть такие выражения, как, например, *perrillo de toda(s) boda(s)*, *memoria*

de gallo, conejillo de Indias, vaca muerta. К наречным речениям, к примеру, следует относить сочетания с предлогом *a*: *a espeta perros, a lo burro*; кроме того, можно рассматривать среди наречных (а также адъективных) речений конструкции, содержащие в себе структурный элемент *como*: *como gallo/gallina en corral ajeno, como las vacas suizas, como la paloma en el aire*, а также другие продуктивные конструкции испанского языка.

З.В. Карнеадо Море, в свою очередь, предлагает более расширенную классификацию, которая дополняется такими вариантами ФЕ, как союзные (*tan gordo como las patas de araña, tan amigos como perros y gatos*), пропозиционные, то есть представляющие целые предложения (*pescarlo a uno el conejo, escapársele un gallo*), и рефлексивные (*hacerse un gallito, ponerse hecho un gallito*). (Carneado More 1985: 273)

Э. Руис Гурильо же, наоборот, придерживается более четкой и ограниченной трактовки, рассматривая лишь три группы: номинальные (*los sintagmas nominativos fraseológicos*), глагольные (*los sintagmas verbales fraseológicos*) и предложные конструкции (*los sintagmas prepositivos fraseológicos*) (Ruiz Gurillo 1997: 116).

Фразеология любого языка уходит своими корнями далеко в прошлое общества. Так, многие ФЕ зачастую содержат в себе компонент-архаизм, значение и происхождение которого, возможно, на сегодняшний день едва ли понятны и знакомы говорящему. В испанской фразеологии, а именно в устойчивых сочетаниях, содержащих в себе анималистический компонент, можно выделить в первую очередь те ФЕ, мотивированность которых связана с языческим мышлением, главенствующим в древние времена в обществе. Окружающая человека природа, а вместе с ней и все животные, населявшие те территории, пробуждала в людях идею того, что все ее явления имеют то или иное влияние на них самих. Именно поэтому животные зачастую являлись способом выражения мысли, так как определенные черты отдельных представителей фауны ассоциировались с конкретными проявлениями

поведения самого человека. Так, выражение *ser un león* отражает то, что человек испокон веков считал льва царем животного мира, и поэтому позаимствовал главные его характеристики – бесстрашие, смелость, силу. Устойчивое сравнение *ser un mono de imitación*, в свою очередь, передает основную черту обезьяны, которую неизменно подмечал человек – стремление повторять действия за другими, изобразить те же движения. В подобных выражениях речь идет о внешней мотивации, которая базируется на соотнесении означаемого и означающего. Внутренняя же мотивация зачастую связана с употреблением омонимов или близких по значению слов, что в сознании носителей приводит к путанице: например, устойчивое сочетание *ponerse el mono de trabajo* (выполнять неблагодарную, черную работу) вовсе не связано с обезьяной, а основывается на метонимическом сравнении, так как *mono* в данном контексте означает «комбинезон», то есть смысл выражения заключается в том, что человек надевает рабочий комбинезон перед началом работы (Gurillo 1997: 105).

Кроме того, известно, что степень идиоматичности напрямую связана со временем появления ФЕ. Так, чем старше фразеологизм, тем с наименьшей вероятностью удастся вывести его этимологию (Ruiz Gurillo 1997: 77).

2.2 Фразеологизмы в немецком языке

Как и любая лексическая система, система фразеологизмов немецкого языка также является подвижной, несмотря на присущую ей архаичность и устойчивость. Так, И.И. Чернышева приводит в качестве доказательства данного феномена пример фразеологизма *Ost und West* (восток и запад), который лишь несколько десятилетий назад обозначал «вся Германия», так как страна на тот момент представляла собой две разделенные части. На сегодняшний же день коннотация «двух Германий» ввиду развития исторических и политических событий исчезла, а фразеологизм приобрел новое значение, не менее точно отражающее ситуацию в мире – «весь мир», то есть западные и восточные страны (Чернышева 1970: 118).

Тем не менее, как и в испанском языке, фразеологизмы с компонентом-зоонимом, входящие в подкатегорию «домашние животные», по-прежнему сохраняют свое устойчивое употребление. Ввиду того, что жизнь человека на всей территории Европы испокон веков была связана с животноводством, фразеологический словарь различных языков сохранил в себе отдельные устойчивые единицы, внутренняя или внешняя мотивация которых неразрывно связаны с теми или иными домашними животными, определявших быт простых людей. В нашей работе мы постараемся путем сплошного отбора ФЕ испанского и немецкого языков, а также их сопоставления определить, какие именно зоолексемы имели и продолжают иметь наибольшее значение в данных языках, а также насколько схожи или различны ассоциативные связи, возникающие при эмотивной оценке объекта.

Что касается базовой классификации немецких фразеологизмов, А. Роткегель предлагает рассматривать их с точки зрения синтаксического строения, а именно выделять определенные «доминирующие узлы» (Rothkegel 1973: 86). Так, исследователь структурирует ФЕ по четырем группам:

- 1) фразеологизмы как субстантивные единства (существительное в смысловом центре конструкции): *ein weißer Rabe* («белая ворона», редкий, удивительный человек), *der Löwenanteil* (значительная часть чего-либо), *weder Fisch noch Fleisch* («ни рыба ни мясо», что-то несущественное), *ein Wolf im Schafpelz* («волк в овечьей шкуре», коварный человек), *ein alter Hase* («стреляный воробей», знаток какого-либо дела), *das schwarze Schaf* («паршивая овца», человек, выделяющийся своими негативными поступками и/или речами);
- 2) фразеологизмы как адвербиальные единства (наречие в смысловом центре конструкции): *wie Fisch im Wasser* («как рыба в воде», свободно, легко), *wie Hund und Katze* («как кошка с собакой», недружно), *unter aller Sau* («хуже некуда», дословно: под любой свиньей);

- 3) фразеологизмы как предложные единства (предлог в центре конструкции; не представлены с зооморфным компонентом): *in Anbetracht* («ввиду»);
- 4) фразеологизмы как глагольные единства (глагол в центре конструкции): *herumschleichen, wie die Katze um den heißen Brei* («ходить вокруг до около», не решаться на что-либо), *jemandem einen Bärendienst erweisen* («оказывать медвежьёу услугу», навредить из благих побуждений, намерений) (см. там же).

Не все ученые придерживаются единого мнения по поводу необходимости и, более того, возможности выделения фразеологизмов как адъективных единств (в которых прилагательное бы находилось в центре и доминировало). В. Флейшер полагает, что «поскольку прилагательные зачастую выступают в роли атрибута и употребляются вместе с существительным, принято в таком случае говорить о субстантивных или адвербиальных фразеологизмах» (Fleischer 1982: 152, перевод мой: А.П.). Ученый утверждает, что категоризация ФЕ в таком случае зависит не от прилагательного, а от той части речи, с которой оно употребляется: если, например, прилагательное сопровождается глаголом, то говорить следует о глагольном фразеологизме ввиду того, что подобные устойчивые сочетания не могут употребляться без вспомогательных глаголов *sein, haben* или *werden* (*stumm wie ein Fisch sein* – «молчать, как рыба об лед», *ein lahmes Huhn sein* – зануда, назойливый человек). Даже несмотря на то, что прилагательные могут быть использованы обособленно, то есть без сопровождающего глагола, их все равно нельзя рассматривать в качестве адъективных фразеологизмов, так как они представляют неполное устойчивое сочетание: в таком случае прилагательное может выступать в роли именной части предиката или атрибута, напрямую связанного с существительным (см. там же). Исходя из «полупустого» значения глаголов *sein, werden, haben*, следует говорить о субстантивных, глагольных или адвербиальных фразеологизмах. Данное мнение справедливо также и для испанского языка, где в роли

«полупустых» глаголов выступают связки *ser* и *estar*. Однако Н.Н. Курчаткина и А.В. Супрун рассматривают адъективные ФЕ как отдельный тип устойчивых выражений, выделяя среди них, в свою очередь, две подгруппы: 1) ФЕ, передающие качественную характеристику или состояние лица (например, *de mala sombra, más bueno que el pan, de pelo en pecho*), и 2) ФЕ, характеризующие предмет (*de cal y canto, de chicha y nabo, de buena boca*). В дополнение ученые предполагают, что некоторые ФЕ могут быть отнесены как к первой, так и ко второй группе, то есть характеризовать и лицо, и предмет (ср. *una mujer de miedo / una película de miedo, una mujer de cuidado / un lío de cuidado*) (Курчаткина, Супрун 1981: 72).

Итак, подводя итог, мы могли бы сделать следующий вывод: классификации фразеологических единиц испанского и немецкого языков различаются по некоторым показателям. Тем не менее, ученые с обеих сторон выделяют следующие категории: глагольные, субстантивные и наречные фразеологизмы. Исходя из этого мы делаем вывод, что данные три категории являются основополагающими, а все остальные варианты ФЕ по большей части выводятся напрямую из них.

§3 Понятия «зооним» и «зооморфизм» на примере испанского и немецкого. Общее и различное в репрезентации зооморфного кода культуры во фразеологии испанского и немецкого языков.

В начале следует упомянуть о различиях, существующих между понятиями «зооним» и «зооморфизм». Не следует путать зооним, то есть лексическую единицу, напрямую обозначающую животное, с зооморфизмом, под которыми мы должны понимать переносное употребление наименований животных с целью создания образной характеристики человека. Так, зоонимом является, к примеру, лексема *liebre*, в то время как зооморфизмом, где стержневым компонентом выступает данный зооним, станет ФЕ *comer como las liebres* (Каменская 2007: 89-90).

Как уже говорилось в первой главе, ФЕ с анималистическим компонентом составляют значительный пласт всех фразеологизмов сравниваемых языков. Тем не менее, возникает вопрос: почему столь различные языки имеют столько общего?

Как справедливо отмечает Р. Пиньель Лопес, «прочная связь между человеком и животным отразилась в многочисленных идиомах, устойчивых выражениях, поговорках и пословицах. В них напрямую сравнивается поведение животных с поведением людей, исходя из повседневных и обычных ситуаций» (Píñel López 1999: 411). Исследователь также говорит о том, что при сравнении двух языков можно наблюдать полностью идентичные выражения, в которых совпадают и стержневые компоненты, и их семантическая связь, как например в выражениях *una golondrina no hace verano / eine Schwalbe macht (noch) keinen Sommer* (и там, и там дословно: «ласточка не делает лета», то есть первая ласточка лета не приносит). Помимо абсолютно идентичных ФЕ в разных языках, по мнению Р. Пиньель Лопес, существуют также фразеологизмы, «преследующие то же оценочное намерение и обращающиеся к тем же базовым вопросам, но различающиеся по своему стержневому компоненту» (см. там же). Исследователь приводит в качестве примера такие устойчивые сочетания, как *Was hilft's, dass der Rabe badet – er bleibt doch schwarz.* («Зачем ворону мыться, он все равно останется черным.») / *Aunque la mona se vista de seda, mona se queda.* («Даже если обезьяна нарядится в шелка, она все равно останется обезьяной»). Оба выражения несут в себе один смысл, который в русской адаптации звучит как «черного кобеля не вымоешь до бела» и подразумевает, что истинное лицо, сущность едва ли удастся скрыть, она так или иначе проявится в человеке, потому что составляет часть его личности (см. там же).

К.Ю. Албычева предлагает рассматривать при подобном семантико-грамматическом сопоставлении также относительные (неполные) фразеологические аналоги, «где понятийное сходство фразеологизмов ощущается, но их формирование в трех языках основывается на абсолютно

разных образах, а, следовательно, и лексическая наполненность ФЕ может иметь мало общего или вовсе быть различной.» При таком сравнении учитывается в первую очередь лексическая и образная характеристики, в то время как грамматический критерий опускается (Албычева 2019: [интернет источник](#), дата посещения: 18.04.2022).

Тем не менее, несмотря на возможные расхождения в символике представителей животного мира, большинство из них отразились в сознании носителей как испанского, так и немецкого языка по ряду причин: мифология древних цивилизаций, жизнь и быт Средневековья, осмысление и изучение Библии, а также многие другие факторы привели к тому, что фразеология обоих языков пополнилась знаменательными образами, многие из которых соотносятся друг с другом. Безусловно, невозможно представить себе абсолютное сходство языков – обособленность народов, географическое положение, климатические условия и экономико-политическое развитие сыграло значительную роль в формировании словарного запаса данных языков, а именно словарь фразеологических единств.

Нам кажется интересным в продолжение данной мысли рассмотреть ряд фразеологизмов испанского и немецкого языков и выявить процентное соотношение ФЕ, которые: а) представляют собой идентичные единства; б) передают один смысл, но различаются по своим стержневым компонентам; в) объединяются лишь смыслом, грамматический строй полностью различается. Мы обратимся к ФЕ со стержневым компонентом «домашние животные», проанализируем методом сплошного отбора из фразеологических словарей 150 устойчивых выражений.

	ПОЛНОЕ СООТВЕТСВИЕ	ЧАСТИЧНОЕ СООТВЕТСВИЕ	ПОЛНОЕ НЕСООТВЕТСВИЕ
Бык	6	4	7
Кошка	7	6	2

Курица/ Цыпленок	8	7	8
Лошадь	3	6	5
Овца	7	2	3
Осел	5	7	3
Пчела/ Трутень	7	1	4
Свинья	10	5	5
Собака	11	9	2
Итого:	64	47	39

Исходя из результатов подсчетов, мы можем сделать вывод, что анималистический компонент с семантикой «домашнее животное» в целом является достаточно продуктивным как в испанском, так и в немецком языках. Все вышеперечисленные стержневые лексемы так или иначе представлены во фразеологии обоих языков. Следует также отметить, что в нашей выборке число полностью совпадающих ФЕ сравнительно больше, чем тех ФЕ, которые совпадают частично или вовсе не имеют аналогов. Таким образом, можно предположить, что языковая картина мира испаноговорящего и немецкоговорящего населения во многом совпадает; она объединяет ряд концептов, которые присутствуют в обоих языковых пространствах и исторически связаны с одинаковыми представлениями.

§4 Лексико-семантическое поле концептов, объединенных стержневым компонентом «домашние животные».

В данной части нашей работы мы подробнее рассмотрим некоторые из фразеологизмов, использованных нами для проведения статистических подсчетов. ФЕ, к которым мы обращались и как уже было видно из приведенной таблицы, содержат в себе зоонимический компонент, восходящий к общему стержневому компоненту «домашнее животное». Такими в нашем исследовании

оказались бык, кошка, курица/куропатка/цыпленок, лошадь, овца, осел, пчела, свинья, собака.

Известно, что животные всегда жили бок о бок с человеком, а домашние животные являлись и помощниками в работах, и друзьями, и, в том числе, источником пропитания и одежды. Именно по той причине, что домашние животные составляли существенную часть жизни и быта людей, они прочно закрепились и во фразеологии различных языков, в определенной степени обойдя диких животных, которые, тем не менее, сыграли значительную роль в установлении фразеологического словаря разных народов. Как отмечал еще Ш. Балли, данное явление связано с тем, что ««извечное несовершенство человеческого разума проявляется также и в том, что человек всегда стремится одухотворить то, что его окружает. Он не может представить себе, что природа мертва и бездушна; его воображение постоянно наделяет жизнью неодушевленные предметы, но это еще не все: человек постоянно приписывает всем предметам внешнего мира черты и стремления, свойственные его личности» (Балли 2001: 221). Считается, что это главным образом связано с уникальностью образа, способной производить оценочную категоризацию человеческих качеств.

В.М. Каменская вслед за В.Н. Телия полагает, что оценочность всегда входит в лексическое значение фразеологических единиц, содержащих зооним, так как в сущности зооморфизмов лежит перенос наименований животных на людей (Каменская 2007: 89). Нами была осуществлена выборка именно оценочных ФЕ, связанных с отдельными проявлениями характера человека или с его действиями.

4.1 Бык (el toro / der Ochse, der Stier)

Бык – одно из тех животных, которые в значительной степени обогатили испанскую фразеологию. Именно это животное стало источником многочисленных метафор, применимых к деятельности и характеристикам человека. Подобные устойчивые выражения существуют в испаноязычной

культуре уже со времен Средневековья, а свое распространение они получили, безусловно, благодаря корриде, известному испанскому бою быков – именно во время этого действия проявляются те дикие качества животного, которые при дальнейшем переосмыслении переносятся и на человека. Соперничество, отвага, решительность, смелость, риск, боль и смерть – вот те главные составляющие данного зоонима.

В испанском языке как ни в каком другом существует огромное множество оценочно-характеризующих ФЕ, связанных с самим быком или с корридой. Рассмотрим некоторые из них и выявим основные закономерности семантики:

ser un toro corrido = ser un toro en algo = más corrido que un toro = más intencionado que un toro

В дословном переводе звучит как «быть набегавшимся быком», то есть так говорят о человеке опытном, многое повидавшем в жизни. Связь стержневого компонента и смысла здесь очевидна: бык, который прошел испытание корридой, набрался «опыта» и продемонстрировал себя ловким и изворотливым. Так или иначе, бои быков крайне редко заканчиваются успехом для животного, ведь основная цель этого действия – его убийство. Именно на фоне данной традиции появилось устойчивое выражение, применяемое по отношению к человеку, *ser un toro corrido*. Согласно определению Королевской Академии DRAE, *toro corrido* подразумевает «человека, которого непросто обмануть ввиду его опытности» ([интернет источник](#), дата посещения: 20.04.2022, перевод мой: А.П.).

jugar a lo toro

Зная то, как проходит знаменитый бой быков, можно с легкостью понять, что выражение *jugar a lo toro* вновь отсылает нас к ловкости и изворотливости свирепого быка, который всеми силами пытается выстоять бой, выйти из него победителем, не сдаваться как можно дольше. Дословно данная ФЕ означает «играть, как бык», то есть уметь увертываться, изворачиваться.

Некоторые носители испанского языка стран Латинской Америки (конкретно Коста-Рика) отмечают, что в их словаре распространен термин *ser un toro jugado*, который употребляется в том же значении, что и *ser un toro corrido* в Испании. Тем не менее, именно вариант Пиренейского полуострова считается деспективным, а значение «ловкий, изворотливый» передает выражение с причастием от глагола *jugar*. ([интернет источник](#), дата посещения: 21.04.2022)

Интересно, что существует и настоящая детская игра – *juego del toro* или *jugar a los toros*. О ней, к примеру, упоминает в одном из своих рассказов сборника “El Llano en llamas” («Пылающая равнина») Хуан Рульфо: «Era bonito ver aquello. Salir de pronto de la maraña de los tepemezquites cuando ya los soldados se iban con sus ganas de pelear, y verlos atravesar el llano vacío, sin enemigo al frente, como si se zambulleran en el agua honda y sin fondo que era aquella gran herradura del llano encerrada entre montañas. Quemamos al Cuastecomate y *jugamos allí a los toros*. A Pedro Zamora le gustaba mucho este *juego del toro*.»

Таким образом, можно сделать вывод, что образ быка откладывается в сознании носителей испанского языка как Пиренейского полуострова, так и Латинской Америки с ранних лет. Знания о характерных особенностях самих животных и корриды передаются из поколения в поколение, поэтому мы полагаем, что данные лексические единицы еще долго не утратят свою мотивировку.

hecho un toro = más fiero/furioso que un toro

Мотивировка данных схожих выражений также весьма наглядна (дословно «сделавшись быком»; свирепее/яростнее быка, то есть взбешенный, лютый, жестокий). Можно сделать вывод, что в испаноязычной культуре бык так или иначе связывается с жестокостью боя, в котором он не по своей воле принимает участие, а не с полевыми работами и сельским трудом, с которым данное животное ассоциируется в других культурах.

Как мы можем наблюдать, конструкции, несущие в себе одинаковый смысл, могут выражаться разными грамматическими средствами: например, с помощью продуктивного в испанском языке причастия *hecho* и существительного, а также сравнительной конструкцией *más* + прилагательное + *que* + существительное. Помимо того, широкое распространение имеют выражения с копулятивными глаголами *ser/estar*, конструкции типа *глагол* + *como* + существительное или *глагол* + *a lo* + существительное.

(correr/portarse) como toro encerrado

Образ мечущегося быка, разъяренного и подготовленного к бою, отразился во фразеологизме *(correr/portarse) como toro encerrado*, который в дословном переводе обозначает «бегать/метаться/вести себя, как запертый бык». Именно так говорят про людей, которые от волнения, нервного беспокойства или по ряду других причин не могут найти себе место. Данное устойчивое выражение, на наш взгляд, включает в себе ряд эмоций: от страха и волнения до ярости и гнева.

bramar/rugir/bufar como un toro

Не только внешний облик быка и его поведение отразились в словарном запасе устойчивых сочетаний испанского языка. Акустический фактор также сыграл важную роль в формировании некоторых ФЕ, как, например *bramar/rugir/bufar como un toro*, что в переводе означает «рычать/пыхтеть как бык», то есть злобствовать, рычать от злости, рвать и метать, задыхаться от гнева.

comer como un toro = comer a lo toro

Во многих языках встречается устойчивое выражение, отражающее количество и качество еды, которое употребляют в основном домашние животные (ср. есть как лошадь, есть/жрать как свинья в русском языке; *manger comme un cochon, manger comme une truie* во французском и т.д.). Безусловно, животные, не придерживаясь правил этикета, едят так, как им то было заложено природой: одни употребляют много пищи, другие мало, одни делают запасы, другие пренебрегают этим, одни не оставляют после себя никаких следов приема

пищи, другие же слывут крайне неаккуратными. На основе данных ассоциаций и появились выражения *comer como un toro* и *comer a lo toro*, то есть «есть как бык» или «есть по-бычьи». Нетрудно предположить, что оба данных выражения связаны с тем, что быки едят крайне много, поскольку им необходим огромный объем пищи ввиду их значительных размеров и энергозатрат.

coger/tomar al toro por las astas/los cuernos = ir al toro por las astas/los cuernos = irse derecho al toro

Фразеологизм «взять быка за рога» известен не только испаноязычному населению. Согласно «Фразеологическому словарю русского языка» под редакцией В.Н. Телия, стереотипный образ быка, крупного, яростного и упрямого животного, перешел в язык в том числе и через идею его усмирения, отразившуюся еще в мифологии древних времен: стоит хотя бы вспомнить известный миф об одном из испытаний Ясона, предводителя аргонавтов, и легенде о золотом руне. В качестве доказательства того, что схожий образ существует и в других языках, обратимся к примерам из английского – *to take the bull by the horns*, польского – *chwycić (wziąć) byka za rogi*, а также шведского – *att ta tjuren vid hornen* ([интернет источник](#), дата посещения: 21.04.2022).

Сложно отрицать тот факт, что испанский язык, вероятно, является одним из самых богатых на зооморфизмы с компонентом «бык» языков. Тем не менее, аналогичные семантические связи прослеживаются и в немецком языке.

Так, например, как уже было упомянуто выше, во фразеологии немецкого языка также присутствует идея сдерживания быка – *den Ochsen beim Horn fassen = den Stier bei den Hörnern packen/nehmen/fassen*.

В немецком языке существует несколько наименований этого животного, два из которых (*der Ochse, der Stier*) включают в себе германский корень **uhsan-*, который близок древнеиндийскому *ukṣā́* (бык) ([интернет источник](#), дата посещения: 21.04.2022), а третье (*der Bulle*) восходит от средненемецкого корня

bulle, что означало «полный, переполненный» ([интернет источник](#), дата посещения: 21.04.2022).

Сетаров Р.Д. полагает, что зооним «бык» в немецком языке передает такие когнитивные признаки, как злость, упрямство, глупость, грубость и напыщенность (Сетаров 2006: 146). Для того, чтобы доказать это предположение, достаточно сравнить некоторые лексические единицы испанского и немецкого языков.

ein Ochse/ein Hornochse sein – «быть быком» – быть болваном, очень глупым человеком, твердолобым, простоватым, упрямым;

zu etwas taugen wie der Ochs/Ochse zum Seiltanzen – «годиться для чего-то так же, как бык для ходьбы по канату» – не годиться для чего-то;

dastehen wie der Ochs/Ochse vorm Scheunentor/Tor = wie ein Ochs/Ochse vorm Berg stehen – «стоять как бык перед дверью сарая/воротами» – смотреть на что-то как баран на новые ворота; быть недееспособным, смущенным, растерянным;

geschmückt (aufgeputzt/aufgetakelt) wie ein Pfingstochse sein = bunter Ochse sein – «украшен как троицын бык» – наряженный, расфуфыренный, разодетый, разукрашенный;

dumm wie ein Ochse sein = ein blöder Ochse sein – «быть тупым как бык/быть глупым быком» – быть ужасно глупым, твердолобым;

Ochsenfieber haben – «иметь бычьей лихорадкой» – дрожать от страха, быть трусливым;

jemandem passt etwas wie dem Ochsen ein Sattel – «кому-то что-то подходит как быку седло» – кому-то что-то идет как корове седло; совсем не идет.

Таким образом, становится очевидным, что ФЕ с пейоративной оценочной характеристикой доминируют во фразеологии немецкого языка. С образом быка связываются такие характеристики, как «глупость, тупость, упрямство,

неуклюжесть, трусливость». Исходя из этого, полагаем, что образ этого животного значительно различается в двух сравниваемых культурах ввиду определенных культурно-исторических особенностей: в Испании бык всегда был неотъемлемой частью завораживающего действия, олицетворял отвагу, ловкость, силу, в то время как в Германии бык использовался в быту и, соответственно, едва ли мог на глазах носителей немецкого языка проявить свои «лучшие» качества.

Тем не менее, именно благодаря тому, что труд крестьян и сельских жителей не мог обойтись без силы и мощи быка, в языке сохранились и фразеологизмы с положительной коннотацией. Как минимум, можно с уверенностью утверждать, что они не подчеркивают отрицательных качеств данного животного. Например:

schuften/arbeiten wie ein Ochse/Stier – «пахать/работать как бык» – пахать как лошадь; очень много и усиленно работать;

В испанском языке также присутствует аналогичная лексема *trabajar como un buey*, которая, однако, зафиксировала наименование другого вида быков, а именно кастрированного представителя крупного рогатого скота, которого целенаправленно используют в полевых работах или готовят для дальнейшего употребления.

Интересно, что наряду с компонентом «бык» в значении «трудолюбивый, трудяга» и в немецком, и в испанском языках употребляются такие зоонимы, как *hormiga/hormiguita = eine Ameise* (муравей) (ср. *trabajar como una hormiga/hormiguita – emsig wie eine Ameise sein*). Кроме того, принадлежащие к одному семейству лошадиных осел, лошадь и их гибрид мул, также нашли отражение во фразеологии обоих языков в значении «трудолюбивый, работяга» (ср. *trabar como un burro/una mula – arbeiten wie ein Pferd*).

Более того, в обеих культурах подчеркивается сила и мощь быка. Так, во фразеологических словарях немецкого и испанского языков мы находим следующие выражения, свидетельствующие о данной ассоциации:

estar hecho un toro/ser fuerte como un toro – bullenstark/ein Bulle von Kerl/stark wie ein Ochse sein

Однако не только бык является символом силы. Если мы обратимся к другому стержневому компоненту, который относится к семантическому полю «дикие животные», то обнаружим другую лексему – «*el oso/der Bär*» (медведь):

ser fuerte como un oso – bärenstark sein

Кроме того, стоит отметить, что немецкий язык, в отличие от испанского, обладает морфологической возможностью словообразования по устойчивым моделям. Во фразеологизмах *bullenstark* и *bärenstark* мы можем наблюдать слияние стержневого компонента *Bulle* и *Bär* соответственно с оценочно-характеризующим прилагательным *stark* (сильный).

Таким образом, мы приходим к выводу, что бык играл и продолжает играть значимую роль в обеих культурах. Тем не менее, в силу особенностей исторического развития, географического положения и потребностей общества данная лексема наполнилась коннотациями, не всегда совпадающими в двух языках.

4.2 Пчела (la abeja / die Biene), трутень (el zángano / die Drohne)

Образ этого насекомого также встречается во многих культурах: пчела уже со времен каменного века ценилась благодаря своей способности создавать такой ценный для человека продукт как мед. Известно, что в Испании в Паучьей пещере недалеко от Валенсии были найдены наскальные изображения, которые запечатлели человека, вынимающего соты из пчелиного гнезда около 15–20 тысяч лет назад. Пчела как полезное насекомое высоко ценилась в Древнем Египте, Эзоп повествовал о том, как Зевс наделил их жалом, а в Ветхом Завете отмечается огромное значение пчел для человека:

Пойди к пчеле и познай, как она трудолюбива, какую почтенную работу она производит; её труды употребляют во здравие и цари, и простолюдины; любима же она всеми и славна, хотя силой она слаба, но мудростью почтенна (6:8) ([интернет источник](#), дата посещения: 22.04.2022).

Так, в оценочной фразеологии многих языков пчела служит символом трудолюбия и покорности, усердия и благоразумия. Доказать это с легкостью позволят нам устойчивые оценочные выражения как испанского, так и немецкого языков.

ser trabajador/laborioso como una abeja = fleißig/arbeitsam/emsig sein wie eine Biene

trabajar como una abeja = wie eine Biene arbeiten

Известно, что еще в Древнем Египте образ пчелы, а точнее иероглиф, обозначающий данное насекомое, использовался как символ аналогичный монархии, ведь по организации и внутренней социальной структуре ульев пчел сравнивали с «жителями» государства. Тем не менее, их трудолюбие, безусловно, являлось интегральной характеристикой в сознании людей. Именно благодаря усердию эти насекомые создавали «богатства» из ничего (López 1999: 412). И испаноязычный, и немецкоязычный народы сохранили в своей фразеологии такой образ.

Интересно также, что подобные сравнения имеют в обоих языках аналогичную модель:

- глагол «быть» *ser/sein* + прилагательное оценочного характера со значением «трудолюбивый, старательный, работающий» + сравнительный союз *como/wie* + стержневой компонент «пчела» с неопределенным артиклем;
- глагол «работать» *trabajar/arbeiten* + сравнительный союз *como/wie* + стержневой компонент «пчела» с неопределенным артиклем.

estar como abeja en flor

Образ пчелы, перелетающей с цветка на цветок и собирающей пыльцу, без всякого сомнения идиличен. Он связывается в сознании носителей с благоприятной порой летнего цветения цветов, созревания урожая, теплой и комфортной погодой. По этой причине возникло устойчивое оценочное выражение, дословно переводимое как «быть как пчела в цветке», то есть «чувствовать себя свободно, как рыба в воде». Пчела на поле полном цветов не чувствует себя обделенной, она является главным насекомым, у которого есть доступ к пыльце, конкуренция едва ли присутствует. Именно поэтому возникает ощущение свободы, вольготности.

Несмотря на то, что в сознании носителя испанского языка присутствует такая картина, носитель немецкого языка подобный образ не создал. Семантика выражения *estar como abeja en flor* в немецком передается, например, выражением *sich wie ein Fisch im Wasser fühlen*, то есть «чувствовать себя как рыба в воде», что совпадает с фразеологическим оборотом в русском языке и также присутствует в испанском: *estar como pez en el agua*. Согласно результату поиска по корпусу, именно последнее выражение используется чаще, то есть образ пчелы в данном контексте встречается реже.

ser un zángano (de siete suelas/de tomo y lomo)

Наряду с пчелами, нельзя оставить без внимания самца этого вида насекомых – трутня. Не секрет, что единственное назначение трутня заключается в оплодотворении матки. В непосредственном пчелином труде на полях и в ульях принимают участие женские особи. На основании этого знания у представителей многих народов (особенно в хозяйстве которых пчела играет важную роль) закрепилось в сознании особое представление о данном зоониме: ленивый человек, тунеядец, а также ряд сопутствующих значений и коннотаций, зависящих от конкретной ситуации и от конкретного адресата.

Испанская лексема *zángano* стало стержневым компонентом устойчивого сочетания с глаголом-связкой *ser un zángano*, то есть «быть трутнем» – быть ленивым, бездельником. Кроме того, данная ФЕ может сопровождаться определением *de siete suelas* («крепкий, прочный», то есть лентяй до мозга костей) и *de tomo y lomo* («очень большой», то же переносное значение). Таким образом, полагаем, что носителю может быть недостаточно самостоятельного употребления лексемы «трутень» для оценки качеств другого человека. Для усиления экспрессивности возможно употребление дополнительных определительных конструкций к antecedенту *zángano*.

Не удивительно, что в культуре немецкоязычных стран и народов также закрепился образ лентяя и тунеядца именно за данным видом насекомого – *die Drohne*. Оценочно-характеризующий фразеологизм в данном случае формируется за счет употребления глагола-связки *sein* и зоонима «трутень». Отмечается также, что использование дополнительных определений в данном выражении едва ли возможно и практически не встречается, исключением может стать добавление эпитета *groß* («большой») перед самим зоонимом, что добавляет экспрессивности сказанному.

4.3 Свинья (el cerdo, el cebón, el cochino, el gocho, el gorrino, el guarro, el lechón, el marrano, el puerco / das Schwein, die Sau, das Ferkel)

Одним из самых продуктивных зоонимов во фразеологии многих европейских языков является «свинья», а также ряд синонимов данной лексемы. Как справедливо отмечает К.Тутаева, отличительные черты свиньи сравниваются как с внешним обликом человека, так и выступают в роли оценочной характеристики внутренних качеств личности. Зачастую к внешним, физическим особенностям этого животного относят его внушительную массу тела, которая связывается с тем фактом, что свинья склонна к очень быстрому набору веса и неразборчивости в еде. Кроме того, отличительной чертой этих животных является их нечистоплотность. На основании данных физических

характеристик в восприятии носителя складывается образ «уродства, бесчестия, безобразия».

В дополнение стоит упомянуть, что образ умерщвления свиньи также находит свое отражение во фразеологии, ведь данный процесс сопровождается кровопролитием и визгом животного, который ассоциируется с отдельными явлениями в жизни людей (*sangrar como un cerdo = bluten wie ein Schwein* – «терять кровь как свинья», *chillar/gruñir/roncar como un cerdo = schreien wie eine gestochene Sau* – «кричать/вопить/хрюкать как свинья») (Tutáeva 2009: 8).

lavarse a lo cerdo = hecho un cerdo = vivir como cerdos = revolcarse como un puerco/marrano

С образом грязной, перемазанной в грязи свиньи связано несколько оценочно-характеризующих фразеологизмов, которые используются применительно к людям, не отличающимся чистоплотностью.

Стоит отметить, что все выражения, содержащие зооним *cerdo* (а также его синонимы) и несущие значение «грязный, плохо помывшийся», строятся по продуктивным компаративным моделям испанского языка:

- *lavarse a lo cerdo* – «мыться по-свински», плохо мыться, не мыться вообще – смысловой глагол + конструкция с артиклем среднего рода *a lo + cerdo*;
- *hecho un cerdo* – «сделанный/сделавшись свиньей», грязный как свинья – причастие от глагола *hacer (hecho) + un cerdo*;
- *vivir como cerdos* – «жить как свиньи», жить в грязи – смысловой глагол + сравнительный союз *como + cerdos*;
- *revolcarse como un puerco/marrano* – «кувыркаться как поросенок/боров» – смысловой глагол + сравнительный союз *como + puerco/marrano*.

В языковой картине мира немецко-говорящего населения также присутствует образ свиньи как грязного и нечистоплотного животного:

ein Dreckschwein/eine Drecksau sein – «быть грязной свиньей», быть грязнулей, безобразно грязным;

ein Schwein/eine Sau/eine Pottsau/ein Ferkel sein – «быть свиньей/грязной свиньей», то же самое;

schwitzen wie ein Schwein – «потеть как свинья», очень сильно и неприятно потеть (известно, что свиньи не потеют, а валяются в лужах и грязи с целью охлаждения в жаркое время года – тем не менее, данная ассоциация возникла в сознании носителей, а также считается, что в данном случае сыграло роль созвучность слов «потеть» *schwitzen* и «свинья» *Schwein*);

aussehen wie Sau – «выглядеть как свинья», ужасно выглядеть, быть грязным и безобразным.

Мы можем видеть, что в данном значении зооморфный код «свинья» практически в равном объеме представлен в двух исследуемых языках. Следует говорить о фразеологизмах, представляющих полное или же частичное соответствие.

comer como un puercio = comer/zampar como un cerdo

Образ всепоглощающего животного не мог не отразиться во фразеологии испанского языка. Так, наблюдая за количеством и качеством употребляемой пищи, носители испанского языка сделали вывод о ненасытности и обрюзглости данного животного. Такие ФЕ как *comer/zampar como un cerdo/un puercio* («есть/жрать как свинья/поросенок», есть много, жадно, неопратно) также строятся при помощи компаративной модели с союзом *como*.

Немецкий язык также отразил данное наблюдение:

Schweinefraß haben – «иметь свиной жор», жрать как свинья (отмечается тенденция к словообразованию в моделях оценочных фразеологизмов)

На основе образа ненасытности возникает дальнейшая ассоциация, связанная в том числе и с внушительным размером и весом свиньи.

estar hecho un puerco = engordar como un cerdo

По привычным компаративным моделям строятся также выражения *estar hecho un puerco* («сделаться поросенком», быть толстым) и *engordar como un cerdo* («потолстеть как свинья», набрать большой вес, сильно растолстеть).

В немецком языке встречаются аналогичные оценочно-экспрессивные модели, несколько отличающиеся по своей грамматической структуре, но передающие ту же семантику: *ein fettes Schwein/eine fette Sau sein* («быть толстой свиньей»).

quedar hecho un puerco = quedar como un puerco

andar hocicando como los puercos = hocicar como los marranos

meterse hasta en los charcos (como los cebones/cochinos/gochos/gorritos/guarros/lechones/marranos/puercos)

Очевидно, что с данным зоонимом связана в первую очередь негативная коннотация. Помимо физических, внешних характеристик, представители испаноязычной культуры провели ассоциацию, по которой свинья – это символ недобросовестности, подставы, лжи, назойливости. Вероятно, неприятный вид животного, а также необычная форма носа, явно выделяющегося на фоне других домашних животных, повлияли на создание данной коннотации и привели к возникновению следующих устойчивых конструкций:

quedar hecho un puerco – «проявлять себя по-свински» – поступать по-свински;

quedar como un puerco – «проявлять себя как свинья» – то же значение;

andar hocicando como los puercos – «вынюхивать как поросенок» – совать нос в чужие дела, вынюхивать что-либо;

hocicar como los marranos – «вынюхивать как свинья» – то же значение;

meterse hasta en los charcos (como los cebones/cochinos/gochos/gorritos/guarros/lechones/marranos/puercos) – «бросаться в лужи (как свиньи)» – то же значение.

В немецком языке также можно наблюдать похожие оценочно-характеризующие ФЕ:

sich wie ein Schwein benehmen – «вести себя как свинья» – ужасно и некрасиво поступать;

jemanden zur Sau machen – «делать из кого-то свинью» - унижать, оскорблять, ругать, порицать кого-либо;

davonlaufen wie die Sau vom Trog – «убегать как свинья от корыта» – уходить без слов благодарности или прощания.

Тем не менее, любопытным оказывается то, что образ свиньи несет в себе некоторые положительные коннотации как в испанском, так и в немецком языке.

estar más a gusto que un marrano en una charca = gozar/vivir/disfrutar como un cerdo en un patatal

Видимость довольной и сытой свиньи, находящейся в своей среде обитания и чувствующей себя более чем комфортно, породила такие устойчивые оценочные выражения, как:

estar más a gusto que un marrano en una charca – «чувствовать себя лучше, чем свинья в луже» – чувствовать себя превосходно, в своей тарелке;

gozar/vivir/disfrutar como un cerdo en un patatal – «наслаждаться/жить как свинья на картофельном поле» – то же значение.

Для создания образа удовольствия и наслаждения необходимо было прибегнуть к добавочной, уточняющей информации, благодаря которой и возникает должная ассоциация.

В немецком языке, однако, добавочные сведения не требуются, а аналогичное значение передается выражением *sich sauwohl fühlen* («чувствовать себя по-свински хорошо»).

Кроме того, культура немецкого языка сохранила в себе выражение *Schwein haben* («иметь свинью», кому-либо посчастливилось). Происхождение его связано со старинной германской традицией проведения так называемого «Праздника стрелков» (*Schnützenfest*), во время которого в качестве утешительного приза проигравшему стрелку выдавался поросенок или уже взрослая свинья. Так, словосочетание «иметь свинью» – *Schwein haben* – переросло в символ удачи.

4.4 Курица (la gallina / das Huhn, die Henne)

Как отмечает Е.М.Маклакова, для людей «курица всегда была предметом шуточных насмешек, так как она не летает, хотя имеет крылья, не вьет гнезда, боится воды, не видит в темноте, пуглива, глупа» (Маклакова 2010: 82).

Самая известная и распространенная домашняя птица также нашла свое отражение во фразеологии многих языков, ведь ведение домашнего хозяйства едва ли возможно без курятника, куриц, петухов и цыплят. Тем не менее, курица так или иначе отделяется от петуха и цыпленка, так как у них отмечаются несколько различные характерные черты.

Представители разных народностей, наблюдая за поведением этих птиц, любопытным образом отметили одну и ту же черту – их глупость. Именно глупый, недалекий, а отсюда и трусливый, неловкий человек зачастую сравнивается с курицей. Однако несмотря на неприятность подобного сравнения, ФЕ с данным зоонимом не несут в себе резко негативной экспрессивной окраски. Так, в немецком языке, например, выражение *dummes/blödes Huhn sein*, при всей кажущейся грубости, употребляются зачастую в более смягченном значении, которые можно перевести как «дуралей, глупыш». Более того, стержневой компонент «курица» содержится и в

устойчивых выражениях положительной коннотации (*ein lustiges/fideles Huhn sein* – быть весельчаком, *famoses Huhn sein* – быть молодчиной). В Средневековье данный зооним с дополнительным уменьшительно-ласкательным суффиксом *Hünchen* считалось и вовсе ласковым словом, комплиментом.

В ходе нашего анализа мы обнаружили, что ФЕ, содержащих в себе зооним «курица», в испанском языке представлено значительно больше, чем в немецком; совпадения присутствуют, хотя в большинстве случаев аналог в немецком языке либо отсутствует вообще, либо выражен при помощи другого стержневого компонента (как зооморфного, так и нет). Рассмотрим некоторые распространенные испанские устойчивые единицы и их эквиваленты в немецком языке:

acostarse uno con las gallinas / levantarse uno cuando las gallinas

Одна из самых распространенных в европейских языках ассоциаций связана с особым распорядком дня этой птицы. Курицы и петухи пробуждаются очень рано, когда солнце еще даже не встало, а восход лишь начинает заявлять о приходе нового дня. По этой причине и спать они ложатся рано, засветло.

На основании данной ассоциации появились устойчивые выражения *acostarse uno con las gallinas* («ложиться с курицами», то есть засыпать очень рано) и *levantarse uno cuando las gallinas* («вставать тогда же, когда и курицы», то есть просыпаться очень рано, до восхода солнца).

Неудивительно, что и немецкий язык располагает аналогичными устойчивыми выражениями: *mit den Hühnern schlafen gehen/mit den Hühnern ins/zu Bett gehen* («идти спать с курицами») и *mit den Hühnern aufstehen* («вставать с курицами»).

Данная домашняя птица играла немаловажную роль в жизни и ведении домашнего хозяйства обеих культур. Курица всегда находилась в поле зрения человека, ввиду чего и возникли многочисленные клишированные представления, развились многочисленные стереотипные сравнения.

el tío de las gallinas / ser más tonto que las gallinas

Как уже было упомянуто в начале данного пункта, курица, по крайней мере в восприятии представителя европейских культур, является образом глупости, безмозглости, суетливости, взбалмошности. Сложно представить себе, что происходит у этой птицы в голове, ведь ее поведение часто непредсказуемо, хаотично. Эта домашняя птица крайне пуглива, от чего зачастую проявляется довольно странное поведение.

Все эти и другие наблюдения привели к появлению образных сравнений, отражающих вышеуказанные качества: *el tío de las gallinas* – «дядя куриц», странный субъект, чудака; *ser más tonto que las gallinas* – «быть глупее куриц», быть пустоголовым.

Глупость и чудаковатость не могли не найти свое отражение и в культуре немецкоязычного населения, где курица также являлась и является по сей день незаменимым домашним животным на фермах и других хозяйствах. Именно поэтому возникли такие устойчивые фразеологические единства, как *ein komisches/verrücktes/dummes Huhn* – «странная/сумасшедшая/глупая курица». Интересно, что образ глупой курицы, возникший в сознании многих носителей и передающийся из уст в уста, оказался ошибочным. Так, ученые орнитологи доказали, что курица обладает достаточно высоко развитыми интеллектуальными способностями, умеет общаться со своими собратьями, передавать различного рода информацию и отличать реальность от изображения ([интернет источник](#), дата посещения: 12.05.2022)

ser más cobarde que una gallina = ser cobarde como una gallina / ser como gallina con huevos

Паника среди куриц, которую порой можно застать в курятнике, также стала образом, закрепившимся в сознании носителей разных языков, и дала начало ряду устойчивых выражений, отразивших эту отличительную черту птицы: суетливость, панический страх, который ее временами одолевает,

стремление защитить себя и свой выводок, яйца. Безусловно, такое поведение и стало причиной того, что курица считается крайне трусливым созданием.

Обратим внимание на следующие фразеологические выражения: *ser más cobarde que una gallina* – «быть трусливее курицы», то есть быть крайне пугливым человеком, дергаться и реагировать на малейший фактор, способный напугать, быть нерешительным человеком. Помимо конструкции *más... que...* употребляется и сравнительный оборот с союзом *como*: *ser cobarde como una gallina* – «быть трусливым как курица».

Основное занятие курицы, как известно, нести яйца и высидывать их. Именно в этот период птица особенно встревожена и осторожна, ведь она выполняет важную задачу. Если ее покой и безопасность выводка нарушаются, курица начинает вести себя по-особенному. Именно такое поведение и стремление всеми силами уберечь свое потомство привели к возникновению выражения *ser como gallina con huevos* («быть как курица с яйцами», то есть дрожать, трястись над кем-то или чем-то). Данное выражение не является редким – оно встречается и в русском языке (*носиться с чем-то/кем-то как курица с яйцом, трястись над чем-то/кем-то как наседка над цыплятами*), и в английском (*fuss over smb./smth. like an old hen, brood over smth. like a hen over an egg*), и в ряде других европейских языков. В немецком языке мы встречаем выражение, отличающееся незначительно с точки зрения плана выражения, но отражающий тот же план содержания: *auf etwas sitzen wie die Glucke auf den Eiern* («сидеть на чем-либо как несущка на яйцах»). Яйцо как стержневой элемент, кроме того, присутствует в аналогичном по семантике выражении, однако, курица в нем отсутствует: *jemanden wie ein rohes Ei behandeln* («обращаться с кем-то как с сырым яйцом»).

Трусливость как признак курицы не перешел в немецкий язык. Так, о трусливом, застенчивом человеке скажут *so furchtsam wie ein Hase* («трусливый как заяц»), *hasenherzig sein* («быть с заячьим сердцем»), *scheu wie eine Gemse* («трусливый как лань»). Можно сделать вывод, что в немецком языке среди

зоонимов со стержневым компонентом «домашние животные» семантика «трусливости» не представлена.

alborotar más que una gallina / cacarear/gritar como gallina clueca = cacarear más que una gallina

Невозможно не упомянуть крикливость и шумность этих птиц. Характерный звук «кудахтанья» и визга знаком каждому, кто хоть раз заходил в курятник или любое другое помещение, где живут эти домашние птицы. Звуковая ассоциация очень часто становится основой для образования новой ФЕ (ср. *петь как соловей, schreien wie eine gestochene Sau, brüllen wie ein Stier, crier comme le canard, chanter comme un canari*).

Куриный «язык» стал сравниваться с оглушительным и суетливым визгом, который порой можно наблюдать и у людей. Так, устойчивые единства *alborotar más que una gallina* («шуметь больше курицы», галдеть, гомонить) и *cacarear/gritar como gallina clueca* («кудахтать/кричать как курица-наседка», разворчатся, раскудахтаться как квочка) передают оценочную характеристику человека, который любит пошуметь, поворчать, то есть вести себя сравни курице.

Итак, курица – существо «болтливое», она постоянно издает различные звуки в различных ситуациях. Однако не стоит забывать, что курица, несмотря на все ее возможные интеллектуальные способности, воспринимается как глупое животное. Отсюда и появилась характеристика ее «разговора» – глупая, пустая, бессмысленная речь, болтовня. В лексическом запасе испаноязычного населения присутствует ФЕ *cacarear más que una gallina* – «кудахтать больше курицы», то есть тараторить, болтать без умолку, молоть языком.

Немецкий язык также отразил в себе характеристику курицы как суетливого, переполошённого существа, однако, отошел от звуковой семантики. Рассмотрим выражение *wie ein aufgeschuchtes/kopfloses Huhn umherlaufen/herumlaufen* – «бегать туда-сюда как сумасшедшая/безголовая

курица», носиться как сумасшедший. В данной ФЕ акцент смещается не на крикливость данной птицы, когда она находится в состоянии стресса, а на ее поведение – суетливое, как уже было упомянуто выше, и беспорядочное. Кроме того, упоминается также явление, по которому курица даже после того, как ей отрубят голову, способна бегать и сохранять активность своего тела какое-то время.

Следует отметить, что немецкий язык допускает употребление слов *gackeln/kakeln/glucken* в их переносном значении «кудахтать».

estar como gallina en corral ajeno / como gallina en corral

Образ нахождения «в своей тарелке» или «не в своей тарелке» в испанском языке также выражается при помощи зоонима «gallina», а именно: *estar como gallina en corral* («быть как курица в курятнике», как у себя дома, как рыба в воде) и *estar como gallina en corral ajeno* («быть как курица в чужом курятнике», чувствовать себя стеснено, неловко, не в своей тарелке). Ощущение комфорта или дискомфорта в той или иной ситуации часто выражается носителями в жизни, от чего и существует довольно много языковых единиц с данной семантикой. Так, например, в испанском языке можно обнаружить еще один зооморфизм с аналогичным значением – *sentirse como un pulpo en un garaje* («чувствовать себя как осьминог в гараже»). Немецкий язык на сегодняшний день не располагает подобным зооморфизмом, который бы содержал в себе элемент «курица». Семантика дискомфорта передается при помощи фразеологизмов *wie ein Fisch außerhalb des Wassers sein* («быть как рыба вне воды») и *wie ein Fisch auf dem Trockenen sein* («быть как рыба на суше»). Образ рыбы, оказавшейся вне своей привычной среды обитания и обреченной на смерть без воды, типичен для многих европейских языков (ср.: фр. *se sentir comme un poisson hors de l'eau*, англ. *to feel like a fish out of water*).

dar uno con la gallina que pone los huevos de oro / matar la gallina de los huevos de oro / comer uno gallina

Испанский язык, как и, например, французский и английский, запечатлел в своей фразеологии образ «золотого яйца», то есть идею удачи, богатства, достатка, золотой жилы. Это отражено в таких устойчивых выражениях, как:

1. *dar uno con la gallina que pone los huevos de oro* («заполучить курицу, которая откладывает золотые яйца»), то есть напасть на золотую жилу, заполучить источник хорошего постоянного дохода;
2. *matar la gallina de los huevos de oro* («убить курицу, несущую золотые яйца») – рубить сук, на котором сидишь, то есть наносить вред самому себе, чаще всего с точки зрения финансов;

Следующая ФЕ не связана с концептом «золотого яйца», но, на наш взгляд, должна быть упомянута в данном контексте, так как заключает в себе аналогичную семантику:

3. *comer uno gallina* («есть курицу») – жить в достатке;

Поскольку образ достатка в сознании простых людей, для которых свое хозяйство и животноводство всегда играли наиважнейшую роль, тесно связан с данной домашней птицей, в немецком языке также можно найти зооморфизмы с этим стержневым компонентом: *das Huhn, das goldene Eier legt, schlachten* («убить курицу, которая кладет золотые яйца»). Притча о курочке, несущей золотые яйца, получила свое распространение в Средние века, откуда и возникли похожие фразеологизмы в разных европейских языках. Интересно, что в немецком языке существует также эквивалентный вариант данного выражения, в котором элемент «курица» заменяется элементом «гусь» – *die Gans, die goldene Eier legt, schlachten*. Существование данного единства связано с басней Эзопа «Гусыня, несущая золотые яйца» ([интернет источник](#), дата посещения: 12.05.22).

Выводы по 2 главе

Практический анализ 150 устойчивых ФЕ показал, что среди оценочных фразеологизмов испанского и немецкого языков по большей части встречаются устойчивые единицы, представляющие собой либо единства, либо частично идентичные единства. Процент полностью несоответствующих фразеологизмов немного меньше. Это возможно объяснить тем, что сопоставляемые языки принадлежат европейским культурам, историческое развитие которых происходило по относительно схожим траекториям. Быт, географическое положение, природно-климатические условия лишь незначительно отличались и отличаются на сегодняшний день, что позволяет сделать вывод о близости общего национального мышления.

Среди более конкретных выводов по 2 главе можно выделить следующие:

- 1) как испанские, так и немецкие лингвисты выделяют номинальные (субстантивные), глагольные и наречные фразеологизмы; на данный момент нет однозначной позиции по поводу необходимости выделения адъективных единств;
- 2) понятия «зооним» и «зооморфизм» не являются идентичными, следует различать наименование животного, то есть зооним, и его переносное употребление, то есть зооморфизм;
- 3) при практическом анализе 150 фразеологизмов с различными зоонимами, объединенных общим компонентом «домашние животные», нами было установлено, что к наиболее употребляемым в обоих языках относятся такие лексемы, как «собака», «курица», «кошка», «свинья».
- 4) исходя из проанализированных ФЕ, среди общих оценочных характеристик человека в обоих языках мы выделили следующее: бык является символом силы, трудолюбия; пчела – трудолюбия; трутень – лени; свинья – нечистоплотности, безобразия, обжорства, характеризует толстого человека, человека, который ужасно себя ведет, ругается, а также того, кто наслаждается своим положением в определенной ситуации;

курица символизирует человека, который рано ложится спать и встает, а также глупого, суетливого человека;

- 5) среди национально-специфических характеристик следует отметить следующие зоонимы: лексема «бык» ввиду особенностей культурно-исторического развития двух языковых сообществ получил в испанском языке ряд значений, которые не присутствуют в немецком языке (среди них опытность, ловкость, сила, храбрость, свирепость), а также наоборот – немецкий язык предлагает определенные значения, которые не характерны для испанского языка (твердолобость, тупость, неказистость); лексема «курица» также получила дополнительное значение в немецком языке, не отразившееся в испанском (отличный человек, молодчина), однако, в испанском языке также существует значение, которое не фиксирует немецкий язык (трусливость).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе нами были исследованы основные аспекты компаративной лингвистики, были проанализированы и проиллюстрированы основополагающие классификации ФЕ, сформулированы определения фразеологии как науки, фразеологического моделирования, языковой картины мира и кода культуры.

Путём сопоставления 150 фразеологических единиц испанского и немецкого языков были выявлены основные тенденции в формировании устойчивых оценочных единств, а также проанализированы зооморфизмы с различными зоонимическими компонентами, объединенными стержневым компонентом «домашние животные».

Исследование показало, что к наиболее распространенным зоонимическим компонентам следует относить такие лексические единицы как «собака», «кошка», «курица» и «свинья». Кроме того, следует отметить, что результаты подсчетов ФЕ отразили следующее: среди фразеологизмов с анималистическим компонентом «домашнее животное» встречаются преимущественно устойчивые выражения, которые либо полностью совпадают в двух языках, либо характеризуются неполным (относительным) соответствием. Лишь небольшое число ФЕ в испанском языке не имеет аналогов в немецком языке и наоборот.

Кроме того, нам удалось объяснить этимологию отдельных ФЕ, выдвинуть предположения по происхождению ряда устойчивых выражений, а также сопоставить их семантику и мотивировку путем сравнения употребления в испанском и немецком языках.

Таким образом, можно сделать вывод, что с точки зрения коллективного мышления и представления о мире и о жизни носители испанского языка во многом схожи с носителями немецкого языка, главным образом, если рассматривать фразеологию данных языков и отдельные лексические единицы с зоонимическим компонентом. Кроме того, следует отметить тот факт, что оценочные фразеологизмы в двух вышеупомянутых языках строятся

преимущественно по характерным продуктивным моделям (преимущественно компаративным).

Библиографический список

1. Burger H. Phraseologie: Eine Einführung am Beispiel des Deutschen. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2007. – p. 240
2. Carneado Moré Z. Notas sobre las variantes fraseológicas. // Anuario LL (16): Instituto de Literatura y Lingüística de la Academia de Ciencias de Cuba, Ciudad de La Habana, 1985 - P. 269-277.
3. Casares J. Introducción a la lexicografía española. // Madrid, 1950: CSIC, 1992.
4. Dobrovol'skij D. O. Symbole in Sprache und Kultur: Studien zur Phraseologie aus kultursemiotischer Perspektive // D. O. Dobrovol'skij, E. Piirainen. – Bochum: Brockmeyer, 1997. – p. 184.
5. Fleischer W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache // Bibliographisches Institut Leipzig, 1982. – p. 250.
6. Gurillo L.R. Aspectos de fraseología teórica española // Anejo nº XXIV de la Revista CUADERNOS DE FILOLOGÍA, Departamento de Filología española (Lengua Española), Facultat de Filologia Universitat de València. – p. 135, [электронный ресурс], URL: <https://www.livelib.ru/book/109078/readpart-sovremennyj-russkij-yazyk-prakticheskoe-posobie-anna-yansyukevich/~42>
7. Piñel López R. El mundo animal en las expresiones alemanas y españolas y sus connotaciones socioculturales. // Revista de Filología Alemana, 1997, 5, P. 259.
8. Piñel López, R. El animal en el refrán, reflejo de una cultura: estudio contrastivo alemán-español. // Paremia, ISSN 1132-8940, Nº. 8, 1999, P. 411-416.
9. Rulfo J. El Llano en llamas. // Originalmente publicado en la revista América Nº 64, 1950 (El Llano en llamas, 1953).
10. Szyndler A. Zoomorfismos fraseológicos del español y del polaco: un estudio contrastivo desde el punto de vista de la lingüística cultural. // Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, Katowice 2014. – P. 29-39
11. Tutáeva, Kamilla. “La simbología del cerdo en la fraseología inglesa, rusa y española.” // Language design : journal of theoretical and experimental linguistics 11 (2009): P. 5-27.
12. Балли Ш. Французская стилистика. – М., 2001. – с. 221.

13. Балли Ш. Французская стилистика. // 2-е изд., стереотипное. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — С. 87-119.
14. Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: Избр. труды // В. В. Виноградов; [Отв. ред. и авт. предисл. В. Г. Костомаров; АН СССР, Отд-ние литературы и яз.]. — М.: Наука, 1977. — С. 118–192.
15. Войку О.К., Санникова О.И. Лингвокультурологический аспект фразеологии: морские фразеологизмы в испанском и французском языках. // Проблемы преподавания филологических дисциплин в новых образовательных условиях. Материалы докладов и сообщений XXVI международной научно-методической конференции памяти Надежды Тихоновны Свидинской. Санкт-Петербург, 2021. С. 493-498.
16. Гвоздарева Ю.А. Сопоставительное описание фразеологии разных языков. // Образование и функционирование фразеологических единиц. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1981.- С.119-121.
17. Глотова Т.А, Бекоева М.Т., Цакалиди Т.Г. Теория общей фразеологии: учебное пособие. // Сев.-Осет. гос. ун-т. Владикавказ: ИПЦ СОГУ, 2019. — с. 138.
18. Гудков Д.Б. Единицы кодов культуры: проблемы семантики. // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2004. — Вып. 26. — с. 168.
19. Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». // — М.: «Индрик», 1993. — С. 58-60.
20. Долгова А.О. Лингвокультурологическая значимость Компаративной фразеологии // Славянская фразеология в синхронии и диахронии: сб. науч. ст. / Гомельс. гос. ун-т; редкол.: В.И. Коваль (отв. ред.) [и др.]. — Гомель, 2011. — Вып. 1. — С. 100–103.
21. Каменская В. М. Особенности стержневых компонентов зооморфных фразеологизмов в испанском и русском языках // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. №2-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sterzhnevyyh-komponentov->

zoomorfnyh-frazeologizmov-v-ispanskom-i-russkom-yazykah (дата обращения: 20.04.2022).

22. Красных В.В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) / Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2001. – Вып. 19. – С. 5.
23. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. // 2-е изд., перераб. – М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр "Феникс", 1996 – с. 381.
24. Н.Н. Курчаткина, А.В. Супрун. Фразеология испанского языка. М.: Высшая школа, 1981. – С.70-78.
25. Маклакова Е. М. (2010). Устойчивые выражения с орнитологическим компонентом «Курица» в русском языке и их английские и французские соответствия. // *Lingua mobilis*, (4 (23)), С. 82-88.
26. Мед Н. Г. Возможности фразеологического моделирования (на материале испанского языка) / Н. Г. Мед // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2007. – № 4-2. – С. 140-143.
27. Потебня А.А. Из лекций по теории словесности // Эстетика и поэтика. – М., Искусство, 1976. – с. 614.
28. Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии для ин-тов и фак. иностр. яз. – Учеб. пособие. // — М.: Высш. школа, 1980 – с. 143
29. Ройзензон Л.И., Авалиани Ю.Ю. Современные аспекты изучения фразеологии. // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. - Вологда: Северо-западное книжное изд-во, 1967. - С. 68-81.
30. Сетаров Р.Д. Пересечение переносных значений зоонимов в славянских, германских, романских и тюркских языках. // Язык и национальное

- сознание. Вып. 9 / Научный ред. И.А. Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2006. – С. 144-151
31. Смит Л.П. Фразеология английского языка (Перевод А.С. Игнатъева). – М.: Учпедгиз, 1959. – с. 208.
 32. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования // М.: «Восток-Запад», 2006. – с. 206
 33. Стернин И.А., Попова З.Д., Стернина М.А. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж, 2002. – с. 151
 34. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – с. 228.
 35. Типология фразеологических единиц. — Текст: электронный // Myfilology.ru – информационный филологический ресурс: [сайт]. – URL: <https://myfilology.ru//russkiiyazyk/frazeologiya/tipologiya-frazeologicheskix-edinic/> (дата обращения: 5.02.2022)
 36. Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка. // Москва : Высш. шк., 1970. - с. 199
 37. Янсюкевич А. А. Современный русский язык. Практическое пособие // А. А. Янсюкевич — «Научная книга», 2005. URL: <https://knigogid.ru/books/1438789-sovremenny-russkiy-yazyk-prakticheskoe-posobie/toread/fragment>
 38. Ярцева В.Н. Большой Энциклопедический словарь. Языкознание // М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1998. – С. 559-600.

Список сокращений

ФЕ – фразеологическая единица

ЯКМ – языковая картина мира

Основные интернет-источники:

1. https://урок.рф/library/sopostavitelnij_analiz_frazeologizmov_v_raznost_r_122401.html (дата посещения 20.04.22)
2. <https://www.redensarten-index.de/suche.php>
3. <http://www.hispanoteca.eu/LexikonPhraseologie.asp>
4. <https://dle.rae.es/>
5. <https://www.duden.de/woerterbuch>